18+

Алена Воронина

Принцип злой любви

Алена Воронина
Принцип злой любви

https://litres.ru/74757039
ISBN 9785007149983

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Виктория Смирнова и не думала встретить свою любовь при столь непростых обстоятельствах. Но судьба нас не спрашивает, она лучше знает, что делать. Так может стоит ей довериться? А если довериться, то плыть по течению? Или бороться? И пусть никто не скажет Вике, пройдут ли чувства все испытания, она, как и любая женщина, готова биться за свое счастье до конца.

Содержание

Заговори, чтоб я тебя увидел. Сократ 92
Конец ознакомительного фрагмента. 154

Принцип злой любви

Алена Воронина

© Алена Воронина, 2026

ISBN 978-5-0071-4998-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Совпадения — это способ Бога оставаться анонимным.
Альберт Эйнштейн

Август 2017 года

— О небеса, хвала вам за «кондей»! — Аня оттянула пальчиком воротник блузки и запрокинула голову, мечтая впустить под тонкую ткань как можно больше прохлады, лившейся из аппарата на стене. — Ну и японцам заодно!

— Американцам! Кэрриэр — фамилия создателя. А еще продавец бытовой техники!

Следуя указанию моего пальца, Аня, сощурившись, присмотрелась к логотипу компании-производителя на белом глянцевом коробе, как раз в тему носившем имя творца новой эры домашнего комфорта, а все ведь начиналось с попытки убрать влажность из типографии…

— Не зря же ты носишь у нас гордое погоняло «о'кей гугл»! — засмеялась девушка.

Я закатила глаза. Есть у меня одна особенность — память от природы неплохая: термины, цитаты, факты, попавшиеся мне на глаза и доселе мне неизвестные, в большинстве своем незамедлительно «гуглились», а кое-что из «нагугленного» сохранялось в Чертогах Разума.

Тьфу!

Анька выцепила эту дурацкую фразочку из известного сериала, совершенно не осознавая, что Метод Локусов, который Шерлок именовал Чертогами — это совсем не фантастика, а прием, используемый в риторике. Описанный еще римлянами, он предполагал систематизацию мозгом воспринимаемой информации.

Я себя к настолько «прокаченным» людям, конечно же, не относила. Складировалась в моей голове из «инфы» в основном та, что связана была с техникой, физикой и химией (я инженер по образованию, и с большим уважением отношусь к достижениям науки и техники, а также людям, способным сгенерировать полезные для человечества механизмы). Хотя честно признаюсь, в данный момент хотелось приобщиться к религии и спросить у того, кто по версии Ветхого и Нового Заветов ответственен за погоду на нашей планете: «Зачем же так жарить?!»

Столбик термометра, приколоченного к давно уже некрашеной деревянной раме, дополз до тридцати пяти градусов по Цельсию, и точно в подтверждение этих показаний, раскинувшийся под окном каштан застыл в удушливом мареве,

не шевеля и листочком, опасаясь, что горячий воздух обратит бедолагу в пепел.

— Запомни мысль про Кэрриэра, потом мне ликбез устроишь, — хмыкнула подруга и, прихватив сумочку (а заодно глотнув холодного воздуха), нырнула в общий коридор подъезда, громко хлопнув дверью.

Аня работала совсем рядом с нашей съемной жилплощадью продавцом-консультантом. Так что, если бежать быстро, новую порцию воздуха можно вдохнуть уже на ее рабочем месте, и он будем таким же прохладным.

В квартире воцарилась тишина, слышно было лишь как по пустынной в выходной день улице, куда выходило окно Аниной спальни, изредка проезжали грузовики, сотрясая старые стены до основания.

Квартира, которую мы с подругой снимали, располагалась в центре города в двух шагах от набережной, в старом доме, притулившемся между такими же старыми домами, но одним из немногих носившем статус объекта культурного наследия. И по логике он должен был государством тщательно охраняться (о чем гласила табличка с золоченными буквами на фасаде), но на деле ему не помог бы уже и капитальный ремонт. А сколько жалоб было написано во всякие комитеты! Не счесть! Но без толку!

Старый двухэтажный (официально полутораэтажный) особняк с портиком тосканского ордена на шести колоннах глубоко зарылся в землю, и подоконники «первого» этажа

ныне лежали на асфальте. Решетки на окнах, призванные спасать от проникновения преступных «элементов», стали пыле- и мусоросборниками. Белые некогда колонны были все в клочках бумаги, желтых кляксах клея и цветных фантиках-рекламках, до которых еще не добрались (или попросту не допрыгнули) сердобольные местные старушки, ожесточенно срывавшие продукты полиграфии. И вишенка на торте — старинная штукатурка, которая вместе с кусками старого же кирпича частенько откалывалась, осыпаясь на асфальт, как бы намекая на то, что дому осталось недолго.

Так в нашем городе «умирали» тихо и незаметно многие исторические здания, а в них до самых последних дней их существования жили обычные люди, часто не имевшие возможности сменить ни место работы, ни место жительства, а частенько и свою судьбу. И тут уж как повезет со взглядом на мир, либо делать ремонт, жить и радоваться, как семья с «нулевого» этажа, либо стенать, ныть и всех ненавидеть, как делала пара старушек, обитавших на первом. Но сдается мне, предложи сейчас этим старушкам однушки в новенькой многоэтажке где-нибудь в спальном районе, они устроят революцию.

Наши с подругой графики работы редко на оба выходных дня совпадали: у меня стандартная пятидневка, а у Ани два через два. В эти выходные я решила подругу не бросать, хотя общие знакомые и семейство звали загород, поближе к природе (и комарам), где одни уже второй день загорали и от-

ходили от пятничной пирушки, а другие «бодрили» огород. Да и, если честно, ехать в душной электричке ради пары часов пребывания на солнцепеке, мне совсем не улыбалось. И единственное, что оставалось — лежа на старом, накрытом пледом диване, занимавшем собой почти всю кухню, и попивая морс, читать закладки, которые я сохраняла в браузере телефона в течение всей рабочей недели.

Приятное занятие было прервано звонком моей родительницы крайне возмущенной, что я бессовестно проигнорировала сбор урожая.

Ну не люблю я дачу!

Помнится, совсем еще маленькой попросила я у родителей выделить мне кусочек земли, за которым ухаживала бы я и только я. Мама с самым серьезным видом передала в мое ведение небольшой клочок ценнейшего ресурса, над которым раскинула ветви старая слива, в углу кололся куст крыжовника и ярким пятном выделялся туалет. В придачу к вышеописанному шли также небольшая походная лопата (под мой росточек), грабли и секатор.

Целых три приезда на дачу в моей вотчине был идеальный порядок, не было ни одной лишней травинки на пробоороненной земле (червяки и те сбежали, а мелкий брат вообще не допускался). Граничащую с «участочком» дорожку я тщательно подметала. Но «энтузиазм» иссяк вместе с желанием ехать по часу в одну сторону, простояв в пробке на переезде и в той же пробке обратно, по-моему, обгоняя одни

и те же машины, и мигая встречным о ментах, которые даже место дислокации в кустах не меняли. Мигала, конечно, не я, а папа, но он — любитель комментировать свои (и не только) действия.

Единственное, что мирило меня с выходными — это Волга.

Прохладная, чистая вода затона дарила восторг от часовых заплывов, песочных замков, катания на лодке. Но до определенного возраста, как вы понимаете, по достижению которого (и благодаря нытью) родители пошли мне навстречу и стали оставлять одиннадцатилетнюю девчонку одну с ночевкой в квартире в городе (ну, как одну… совсем рядом жила тетушка, которая часто заглядывала с инспекцией, подозревая, что там собрался девичий конклав). Сейчас же великовозрастной дочери отвертеться было гораздо сложнее, да и путепровод над переездом лет десять как построили, пробок там теперь нет.

— Ты же помнишь про Васин отъезд? — обиженно поинтересовалась мама. — Он, кстати, здесь!

О, еще один плюс в карму брательника.

— Конечно, мам!

Мой младшенький, едва закончив местный Политех (с отличием), засобирался в Москву. Ему предложили работу в очень неплохой фирме с очень неплохой зарплатой для вчерашнего выпускника. Он, правда, выиграл кучу конкурсов и компьютерами просто бредил («плюшки» ему полагались

вполне заслуженно), и, кстати, именно на олимпиадах и конкурсах к нему и подходили заинтересованные работодатели с предложениями, в том числе и о работе (даже за границей). Вполне возможно, что столица нашей Родины станет для него лишь перевалочным пунктом. Брат грезил Америкой и Японией, а лучше, так вообще жить в Таиланде или Сингапуре и работать удаленно.

Ну-ну! Сил ему и мозгов! И удачи! И знания языка!

У меня в принципе тоже все было неплохо. Я присматривала себе квартирку в ипотеку. Студия совсем на окраине города, зато своя, в идеале на последнем этаже в углу, чтобы соседей поменьше было. И если бы не приходилось раскошеливаться на съем этой нашей с Аней квартиры, дело пошло бы быстрее. Но с родителями я уже давно не жила, и при всей своей искренней любви к ним, не хотела начинать, прекрасно понимания, что две хозяйки на одной кухне — это ядерный взрыв, катастрофа и апокалипсис (ведь с мамой особо-то не поспоришь, не того я года производства и не той страны воспитания).

Звук принявшего сообщение телефона выдернул меня из сладкой дремы. Оказалось, уже сгустились сумерки, местный старожил — каштан воспрял духом и зашевелил огромными листьями.

«Он пригласил в ресторан!»

Сообщение о ресторане пришло почти час назад, а вот новое сообщение от подруги состояло исключительно из по-

бедных смайликов всех видов и мастей и короткого: «Мы поехали».

Один из замов директора магазина был, и правда, ничего. Симпатичный, да еще и с претензией на чувство юмора. Странно, что его еще не успела подмять под себя какая-нибудь местная леди.

Будем надеяться…

Аньке с парнями не очень везло. Муж, с которым она познакомилась на первом курсе института, был жутко смазливым, но страшно бестолковым. Качок, что с него взять… Но подругу было не остановить. И сложно ее винить, ведь ровно до момента, когда Алекс открывал рот, смотрелся он весьма эффектно. Но на одной мордашке далеко не уедешь. И когда к сонму прочих семейных сложностей (таких как нехватка денег, лень, застой и отсутствие тем для разговоров) прибавился, а точнее прилетел в Аню чайник от чем-то недовольного супруга, брак их быстренько прекратил свое существование. Красавчик остался в подаренной ему родителями однушке, в которой, кстати, так и не закончил ремонт, начатый сразу после помпезной выездной регистрации еще в период учебы, а Анька со своим небольшим скарбом сняла эту квартиру, с расчетом на то, что вскоре перееду и я.

Позже появился у подруги мужчина…

Она познакомилась с ним больше двух лет назад на отдыхе в Египте. Курортный роман плавно перетек в рабочие будни. И Анюта украдкой ездила к нему в столицу на выходные.

Особенно летом, когда его семейство, состоявшее из супруги и двух пацанов, отбывало в Подмосковные хоромы, то бишь на дачу. Каждый ловил свой витамин, так сказать. Несколько раз он сам прилетал к Ане, селился в съемной квартире в высотке с видом на мост, покупал дорогое вино и рассказывал подруге, как интересно развивать онлайн торговлю. Не сомневаюсь, Аня ему нравилась. Внешность у нее знатная. Русская красавица с бонусом — толстенной косой. Высокая (меня так почти на голову выше), блондинка с яркими голубыми глазами, светлой кожей, мягкой улыбкой и милейшим характером. Она мне чем-то напоминала Шуру из старого советского фильма «Мачеха».

Анька была в него безумно влюблена, но не верила, что он уйдет от жены, и добросовестно каждый раз ставила себе сроки, когда скажет Косте, что пора завязывать. Только каждый раз электронный билет лишал ее воли. Хотя сама подруга понимала, что ему удобнее оплачивать вот такие перелеты и переезды, чем встречаться с девушкой из столицы, ибо, если бы расстояние их не разделяло, любовница была бы понапористее, чем действительно могла спровоцировать развал семьи. Жалко, что к разумным доводам сердце не прислушивалось (пыталось, но не получалось). Самое забавное, что зам по магазину, скорее всего, будет довольствоваться исключительно этим походом в ресторан, ибо привязанность Ани к Косте, которую она всячески старалась искоренить, неизменно побеждала.

Я ее ругала, но в душе немного завидовала, совсем чуточку. В моей жизни как-то не попадалось еще человека, ради которого хотелось бы сорваться и бежать, забыв обо всем или творить безумства.

Эх, быстрее бы Новый год! Как раз будет нужный стаж на работе, благословение банка, и моим подарком станет кабала лет на двадцать. Я люблю Аньку, но видеть ее мытарства ежедневно выше моих сил. К слову, выше ее сил смотреть, как я постоянно сижу за компом. Тренькнувший телефон заставил отложить почти поднесенный ко рту бутерброд.

— Что? Уже все?!

Иногда грустно быть предсказателем.

— Да, — голос у подруги был тусклый. — Он… Ну, не то… Понимаешь?

— Ох, Анька-Анька!

— Приезжай, а?! Ресторанчик отличный! Он уехал. Понял, видимо… Сказал, дела у него, — послышалась горькая усмешка. — А мне так напиться хочется! Девочка тут прикольно поет, не Хьюстон, но за душу трогает.

— Завтра… — начала было я по привычке.

— Знаю. Жду.

Я прямо-таки представила, как Аня отмахнулась от моего нытья. В конце концов, она со мной горшок делила в детском саду, так что мои уловки ей известны.

Через полминуты пришло сообщение с адресом заведения.

Почти одиннадцать! Блиин!

Город уже давно поглотила ночь. Мелькали за окном пустого автобуса перекрестки с мигающими желтым светофорами, уже давно закрывшиеся магазины с темными витринами, припаркованные машины, уснувшие до утра (а то и навечно, обращаясь в ржавую труху), крохотные неосвещенные проулки, обычно унылые и неприветливые с мусором, зарослями крапивы, кусками асфальта, досок и арматуры. Окна домов постройки конца позапрошлого века, когда-то бывших местом обитания высшего общества нашего города, теперь же с наполовину обрушившимися балконами, потерявших всю свою величественность и силу из-за безразличия, были по большей части темны, только малая толика их еще хранила теплый желтоватый свет.

Стыдно, но мне жутко нравилось в окна заглядывать. Пестрые занавески, лаконичные жалюзи, пальмы и герани, кухни с разноцветной плиткой, комнаты с разномастными люстрами и обоями. С новыми шкафами и старыми сервантами. Отдыхавшие на подоконниках коты. Мелькавшие изредка хозяева. Голубоватые блики от телевизоров на стенах. Мозаика маленьких жизней. Иногда в просветах между домов и деревьев мелькала река. Точнее, там была тьма, это я знаю, что она там. Широкая, сильная, видевшая, как появился и этот город, и эта страна, а порой, кажется, и эта планета. Как бы ни старались ограничить ее водохранилищами и дамбами, как бы ни убивали, она все равно была полна ве-

личия и великодушия, как истинная королева. И будет такой до самого конца. Хотя, многие говорят, что мелеть стала…

Ресторанчик оказался в подвале ныне офисного здания, а изначально особняка какого-то купца. Аккуратный вход. Приветливый свет фонаря. Ночь скрыла потрескавшиеся углы и обвалившуюся лепнину, создала иллюзию ухоженности.

Ресторан вроде и в самом центре города, но вдали от основных троп гуляющих-отдыхающих и молодежи, которая обычно и создает основной ажиотаж. Да и судя по ценам в меню, вряд ли студенты или те, кто едва закончил институт, могли бы себе позволить это место, особенно, если жили без поддержки родителей.

Заведеньице действительно оказалось уютным. Отделанные дубовыми панелями стены, массивные столы, большие удобные кресла. Полутьма. Бра на тяжелых бронзовых ножках. Белые салфетки. И на удивление много народа для вечера воскресенья, когда большинству завтра на работе.

Девушка в черном струящемся платье на крохотной сцене, пригубившая стакан воды, дополняла образ какого-то «клубного» без пошлости варьете.

Аня сидела на диванчике в уголке и попивала вино из высокого бокала.

— Я уж подумала, ты меня бросишь? — она улыбнулась.

— А я подумала, что ты уже не одна, и зря мне пришлось вставать с дивана! — подколола я.

— У меня слишком несчастный вид, — усмехнулась подруга. — Всех распугала. Даже официант игнорирует. Тем более, сюда больше парами приходят.

— Так и? — приподняла я брови.

— Сделаем заказ, — Аня подняла руку.

Возле нас материализовался молодой мужчина на пример официантов из дорогих ресторанов в длинном белом фартуке (хотя так и в Императорской России было принято). Рубашка была свежей. Фартук чистым. Лицо приветливым. Хозяева явно следили за внешним видом сотрудников. Заказали мы красное сухое и стейки.

— Угощаю, — подруга порылась в сумке в поисках пищащего устройства связи. — Костя опять прислал билеты. Он снял номер в гостинице в Подмосковье.

— Поедешь?

— Знаешь, не хочу! Серьезно! Не хочу! — Аня шмыгнула носом. — И не могу не поехать!

Она уже выпила и, похоже, не один бокал. И накопилось в ней достаточно усталости и обиды на судьбу. И она заговорила… (кажется, я знаю, кто стал причиной краха свидания).

Аня говорила, когда нам принесли поблескивающее жирком мясо, говорила она, и когда мы повторили заказ на вино, говорила о себе, о том, что все как-то не так. Я слушала. Честно слушала. Соглашалась. Кивала. Сочувствовала. Искренне. И радовалась, что не на ее месте. Подруга дико ревновала Костю. И не могла сказать ему об этом. Она сходила

с ума от желания, когда видела, как он общается по работе, как говорит с другими людьми с уверенностью, знанием того, что ему нужно, и как это получить. Решительные и сильные мужчины стали редкостью и резко выделялись в толпе. Хотя она понимала, конечно же, что он врал и изменял жене, пусть и называя это «искал тепла на стороне». «Понимания» он не искал, ведь жена его прекрасно понимала. Она, как давно уже поведала мне Аня, совладелец его бизнеса и до рождения детей принимала в его развитии самое активное участие. Да и сейчас в стороне не стояла.

А зам по магазину… Он — отличный парень. Именно парень. Некоторые особи мужского пола всю жизнь остаются парнями. Но если женщина уже познала, что такое настоящий мужчина, мальчики котироваться перестают. Если, конечно, ты не страдаешь ерундой под названием «Воспитай под себя взрослого мужика», чем увлекались некоторые наши подруги. С переменным успехом (но чаще с весьма плачевным результатом).

Беседа получилась не особо приятной. Муторная, полная негодования подруги на саму себя и на свое бессилие.

Люди вокруг приходили и уходили, столики постепенно пустели. Девушка пела все пронзительнее. В ее голосе появилась хрипотца, которая еще больше усиливала Анины переживания. А я… Я подумала, что простыла, проспав полдня под кондиционером. Сердце колотилось, как сумасшедшее, а в голове шумело. И эта дурацкая фишка моего организма,

особенно когда температура выше нормы: глаза вдруг находят в пространстве какую-то только им ведомую точку притяжения, и ты не можешь оторваться, смотришь, и будто затягивает тебя, и время замирает.

Недалеко от нас за столиком сидела пара. Полутьма делала их какими-то неземными. Совершенными. Женщина сидела ко мне лицом. И очень хотелось, до озноба хотелось, чтобы она была старше меня. Старше намного. Хотя об этом могло свидетельствовать разве что ее поведение. Спокойная, уверенная, по-кошачьи мягкая в движениях. Неброское, но безукоризненно сидевшее по фигуре платье, подчеркивающее то, что надо, изысканная прическа. Красивые руки в кольцах и браслетах. Она была очень хороша, большинство мужчин в зале бросали на нее заинтересованные взгляды. Но не она была объектом моего пристального внимания. А он! Мужчина, сидевший ко мне вполоборота, повернувшийся лишь раз, когда подошел официант. Он был младше. Мне так кажется, только жутко этого не хотелось. Широкие плечи под тонкой тканью серой рубашки. Высокие скулы. Волевой подбородок. Полноватая нижняя губа. Чуть-чуть полноватая… Вы понимаете! Именно так, как надо! Прямой нос. Длинные ресницы. Густые. Высокий, я могла бы назвать его рост вплоть до миллиметра, хотя с того момента, как его узрела, он не вставал.

В его пальцах кружилась хрупкая ножка бокала, и она казалась защищенной.

Я завязла на этой сцене, на том, как его рука, отставив бокал, легла на край стола, как тонкие длинные пальцы постукивали по полированной поверхности, перебегая от указательного к мизинцу и обратно. Они были очень подвижными, точно он был музыкантом или хорошим геймером. Пожалуй, в конце концов, я смогла бы отвести взгляд, но ладонь его спутницы вдруг потянулась к его щеке, пальцы скользнули по шее и, коснувшись аккуратной стрижки, погрузились в густые черные волосы. Лак на аккуратных ноготках в свете прожекторов отливал алым. Это было как-то пошло и неприятно, будто открытые раны. Мне кажется, если бы я не ощущала себя в тот момент мухой, которую угораздило упасть в кисель, то вцепилась бы в эту руку зубами. Только бы не дать ей касаться его!

Это желание настолько ошеломило и испугало, что я тряхнула головой, оторвав взгляд от мужчины. И в тот момент меня будто током ударило, красавица все это время наблюдала за мной и улыбалась так, будто прочитала все мои мысли.

Оскорбление является обычной наградой за хорошую работу.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Праздник по случаю отъезда моего младшего брата про-

ходил в узком семейном кругу на небольшой уютной кухоньке.

Проводить Васяточку в дальний путь собрались самые близкие и самые неравнодушные к его судьбе: мама, по случаю надевшая темно-красное с запахом платье (она вся лучилась, кидая полные обожания взгляды на сына), отец, гордо восседавший в своем законном углу в новой рубашке, по-особенному довольный и совсем чуть-чуть встревоженный (вида, правда, старался не подавать), бабушка (мама отца) в новом цветастом халатике, которая умудрилась приложиться к двум рюмочкам наливки, отчего морщинистые щеки раскраснелись, а в глазах блестели слезы… Любимый внук! В Москву! Обидят его там ироды столичные, обжулят! Как пить дать! И все же… Москва! Для бабули это слово имело особое значение, ей, родившейся и прожившей всю свою жизнь в деревне, практически никуда не выезжавшей, казалось, что это настоящий центр мира, от того распереживалась она не на шутку.

Довершала картину я, в дресс-код никак не вписывающаяся своей майкой и шортами, попивающая апельсиновый сок вперемешку с горячим чаем и поминутно вытирающая нос салфеткой. Васек (тоже прилично одетый) тусил рядом со мной на табуретке, поджав свои длиннющие ноги.

Василий Алексеевич хоть и был меня на три года младше, зато на целую голову умнее и талантливее (по моему личному убеждению). Он в свои двадцать четыре имел уже вполн-

не сформировавшиеся взгляды на все: жизнь, карьеру, религию, варку картошки и мытье полов.

Я своего брата обожала (и он об этом знал), но удержаться от подколов по поводу того, что любая девушка от такого демагога, как он, сбежит, просто не могла. А если еще немного подтянуть уровень занудства, радостно сообщала я ему (и не раз!), то через пару десятков лет будет Васенька свое мировоззрение стае домашних кошек «втирать», может быть в шикарной квартире, но в одиночестве. Хотя…

Громкий чих заставил всех присутствующих дружно пробормотать в мой адрес дежурную фразу про здоровье.

Да-да, я заболела, чем и «обрадовала» коллег по работе на следующее утро после похода в ресторан, сипящим голосом и хлюпающим носом. Лихорадка в жару — то ещё удовольствие: озноб заставляет лезть под одеяло, а тело сходит с ума от жары, ведь в такую погоду спишь практически голышом.

Анька, когда не пропадала на работе, вооружившись маской, которую исправно меняла каждые четыре часа, носила мне горячий чай с лимоном, порошки от температуры и средства для того, чтобы хоть немного дышать.

— Викуха, сколько раз я говорила — не лежи ты под ним! — ткнула подруга пальцем в «божий дар», то бишь «кондей». — Заработаешь себе отит с гайморитом.

Ответа вразумительного от меня в таком состоянии ждать не приходилось, только грустное мычание: горло нещадно болело.

Вечером четверга Аня, водрузив чашку с горячим напитком на стол, стоявший рядом с диванчиком, где я уже четвертый день умирала, уселась на стул.

— Мне улетать завтра вечером. Ты как, справишься?

— Не дитё малое… Мать плешь проест. До субботы надо хоть как-то оклематься! И ненадолго заглянуть к своим. Когда я Ваську теперь увижу…

— А ведь и точно! — хлопнула по коленке подруга. — Ты ему презент в дорогу организуй в виде ОРВИ.

— Это простуда, а не вирус!

— Ну-ну…

В пятницу вечером, собрав крохотную сумку, Аня улетела. И теперь в моем распоряжении были тишина, прохлада (от божьего дара) и морс из пакетиков. Хорошо, что температура больше не поднималась. Простуду я победила, получив в награду усталость, сонливость и постоянное желание есть.

Воспоминания о нашем походе в ресторанчик вышли вместе с потом, который лил с меня нещадно во время болезни, и ощущения, что повергли меня тогда в шок, я посчитала бредом, смесью микробов и алкоголя.

В субботу кое-как собравшись, я вызвала такси и отправилась провожать родственника в Великий поход за хорошей жизнью.

Мать, завидев меня на пороге бледную и немощную, всплеснула руками, процитировала Аньку (дословно) про

«кондей» и про гайморит, усадила в угол, где не дуло и не жарило, и постоянно подливала чай с лимоном и медом.

— Что с квартирой?

— Все норм, — Васька налег на мамин салат, видимо готовился к голодовке. — Двушка. Сорок в месяц, но это на двоих, и метро рядом.

— Сороковник! — меня аж в дрожь бросило. — Жесть!

Моя зарплата даже близко не подходила к этой цифре. В нашем городе средние доходы от трудовой деятельности составляли не больше двадцати тысяч. И если бы не бабушкина «усадьба», доход от продажи которой поделился между двумя внуками, мне вряд ли потянуть ипотеку. Васька бы тоже вложился, но это его пока заботило мало. Потому он, не мудрствуя сильно, предложил купить комнату в коммуналке в городе рядом с институтом и сдавать. Две-три тысячи для родителей далеко не копейки.

— Как Юлька?

Девушка, умудрявшаяся терпеть моего братца целый год, училась еще только на четвертом курсе финансовой академии.

— Норм, — бросил брат, но взгляд отвел.

Васька честный и с собой, и с другими, насколько это вообще возможно. Он понимает, что вряд ли вернется, у него просто не может не получиться то, что он задумал. А любовь в таком возрасте редко способна выдержать проверку расстоянием и временем. Хотя любовь — громкое слово в этом

случае, мне кажется.

Кинув быстрый взгляд на отошедших в сторонку родителей (бабушка к тому времени уже переместилась на диван в зале поближе к телевизору), брат нагнулся ко мне.

— Ты тоже подтягивайся. Тут нормальной работы нет. Семьи у тебя тоже пока нет. Чего ты в этом болоте киснуть будешь? А я помогу.

— Помогатель! — хмыкнула я. — Сам сначала на ноги встань.

Но он правду сказал, чего уж. Как и в любой провинции, где нет нефти и газа, моря и гор, денег тут мало. Да и еще со времен кочевников крупный, купеческий, торговый центр Поволжья чтил традицию — «все хорошее только через связи», которая при империи расцвела, и, судя по ощущениям и словам родителей, в советские времена еще больше укрепилась, несмотря на равенство и братство. Даже сейчас, когда Интернет и глобализация наступают на пятки, от традиции этой не отступали, по знакомству устраиваясь на работу, учебу, и даже покупая курицу на базаре. Разумеется, это сильно сказывалось на жителях — простых работягах и их потомстве, ведь родители последних разве что по портретам знали секретаря горкома, сын которого из года в год становился главой администрации, а потому все делать надо было самим, и на многое рассчитывать не приходилось.

Но и Москвой я не прониклась: побывав там пару раз, была поражена тем, как этот город изматывал своим движе-

нием, людьми, скоростями, тяжким ощущением от переполненного, прямо скажем, помпезного, но мрачноватого метро, пустым Кутузовским, по которому с неимоверной скоростью летели правительственные машины. Ты — крошечный болтик, твердит Москва, в моем огромном механизме, который с легкостью заменят, если ты исчезнешь, это даже не застопорит его слаженной работы. Тут я такой же болтик, но на фоне яркой летней зелени и темных вод Великой русской реки эта истина не так сильно угнетает.

— Да, нуу… Куда я поеду? И родители тут, — я опять шмыгнула носом. — Ты… Ты осторожнее там.

Васька кивнул куда-то в сторону и засопел.

Так мы и просидели, обсуждая соседей, друзей, знакомых, цены на транспорт в Москве и моду на электросамокаты.

Наш тихий семейный ужин был разбавлен приходом тетки.

Если проследить всю историю жизни этой замечательной женщины, хочется дать себе пинка за нытье, коим я себя периодически баловала.

Все мы (а чем взрослее, тем чаще) слышим истории о людях, которым по жизни не везло. Просто так. Не везло и все. А ведь, как правило, плохого о них сказать было невозможно. Но, презирая все законы справедливости, судьба вручала именно им чашу с самой горькой горечью. А они поражали всех тем, что не теряли способности улыбаться и нести позитив совсем не несчастным нам.

— Ох, Васька-Васька! — тетушка обняла возвышавшегося над ней на две головы парня. — Все вас из дому тянет. Ты там смотри! А то вон мои…

Дальше говорить она не стала. Всем и так было известно, что внук, ровесник Васьки, угодил в места, не столь отдаленные, за хранение запрещенных веществ. Любимая единственная дочь, уехавшая в семнадцать за мужем на Дальний Восток и проскитавшаяся за ним же двадцать с лишним лет по огромной матушке России, прикладывается к рюмке, потому что не знает, как жить дальше, ибо муж, набрав кредитов под бизнес, понял, что все это не потянет (включая молодую любовницу), и решил облегчить свое существование, приняв лошадиную дозу снотворного. Да и у самой тетушки жизнь не особо сложилась. Образования у нее не было, слишком рано она вышла замуж. Вечная тяжелая работа, муж, ломавший ей кости и не раз, пьющий, почивший много лет назад, но научивший ее не доверять мужчинам, особенно красивым, потому что на фото со свадьбы, вполне обычная девушка, стеснительная и немного напуганная стояла рука об руку с очень симпатичным парнем. Характер его оказался далеко не таким прекрасным, как внешность.

И вот на седьмом десятке, чтобы помочь хоть как-то погасить кредиты, которых на дочери было больше, чем блох на дворовой собаке, она — пенсионерка с медицинской энциклопедией вместо карты, устроилась уборщицей, отправляя почти все в далекие дали, оставляя себе крохи на про-

питание, которое, сдается мне, состояло исключительно из дешевых макарон.

Мой отец считал ее беспросветной дурой, заявляя, что дело все в плохом воспитании.

Я не была с ним согласна. Она была хорошей матерью, любившей своего ребенка. Нам со своих колоколен, разумеется, виднее, как оно там неправильно у других, но только был бы, например, мой отец мужем тетки, жизнь ее сложилась бы совсем по-другому. Я уверена.

— Как там с жильем, родной? — поинтересовалась Анастасия Валерьевна.

— Да, все норм, — уже привычно кивнул Васька.

— Ты там осторожнее! Москва Витьку испортила!

Внук, одно время увлекавшийся футболом, играл в подающей надежды команде. Шестнадцать лет, смазливая мордашка, от деда доставшаяся, орава таких же оболтусов, отсутствие мозгов и родительского контроля… Много тогда нехорошего случилось…

— Как там Сашка? — мать наложила сестре полную тарелку картошки с мясной подливой и внушительным куском курицы.

Тетушка, глянув на блюдо, вся как-то стушевалась, но заметив наши заинтересованные взгляды, взяла себя в руки и поведала.

— Ой, все ищет банк для этого, как его… — посмотрела она на Ваську вопросительно.

— Рефинансирования, — подсказал брат.

— Вот-вот, — закивала женщина. — А самое-то главное… — тетушка отложила ложку. — Викочка, дочка, ты можешь со мной в банк сходить в понедельник вечером?

— Это еще зачем? — встрепенулась мама.

— Надо кредит взять, тысяч триста дали бы. Вика договор почитает, я же ничего не понимаю! А Саше надо… — женщина тяжело вздохнула. Маленькая, смугленькая, она сгорбилась, приготовилась к тому, что сестру сейчас прорвет. Мы все приготовились и не ошиблись.

— Ты рехнулась?! Когда они кредиты брали, чтобы машины по три миллиона покупать, да по заграницам ездить, голову не включали, тебя не спрашивали! — мама была в ярости. — Насть, ты еле живая! На лекарства денег нет! Жрать нечего! И у тебя мозгов хватит в это лезть?! Сашка с тобой еще сквозь зубы разговаривает! Считает, что ты должна свою квартиру продать, чтобы им помочь! Это же уму непостижимо, чтобы так с матерью!

— А как быть-то, Кать? — тетя прикрыла глаза ладонью.

Но кроме ярости, обиды и далекого пешего путешествия, в которое должна отправиться Александра, предложить маме было нечего.

***

Поцеловав брата и наказав ему написать сразу же, как только он заселится в свое московское логово, а лучше прислать видеоотчет, ибо родители не успокоятся, пока не оце-

нят обиталище любимого сына, я отбыла к себе. Видимо, выспавшись за неделю, мозг ни в какую не хотел прилечь и отдохнуть, и я проиграла почти до утра, лишь на рассвете завалившись на свой диванчик.

Утро началось с крепкого кофе, капель в нос и появления подруги в дверях кухни.

— У тебя остался же вроде старый телефон?

Аня (прилетев рано утром) сразу же прошмыгнула в ванную, из которой потом долго доносились звуки льющейся воды. И вот сейчас она стояла передо мной без косметики, бледная, со стянутыми в хвост волосами, в длинной серой домашней майке. На нее было больно смотреть. Девушка опустилась на стул и тяжело вздохнула.

— Я рассталась с Костей. Точнее… просто ушла. Он спал, а я уехала. Оставила ему все подарки, — она всхлипнула. — Телефон… он тоже мне подарил. Пока присмотрю, что поприличнее, хотела у тебя старый попросить.

— Не вопрос.

Я не решалась что-то сказать. Ей было очень плохо, это сдерживало мое любопытство.

Аня закрыла глаза и опустила голову.

— Даже говорить ничего не стала. Боялась, что не смогу уйти, если он начнет уговаривать.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовалась я.

— Вроде бы ничего, — пожала плечами подруга. — Все как обычно. Просто гостиница оказалась не слишком удач-

ной. Либо выходные такие выпали. Одни семейные пары с детьми. И я смотрю на всех этих мамочек, озабоченных тем, что чадо съело и выпило. Папаши эти, которые вроде и сбежать готовы, но довольные, что в окружении своего табора, — Аня умолкла на мгновение. — И жена ему названивала чуть ли не каждый час, ведь сыновья с папой поговорить хотят, скучают, а он типа в командировке, — слезы все-таки заструились по щекам. — И я такая… Понимаешь? У нас так не будет. Я ведь… я ведь ещё и плохая в глазах таких, как его жена. Все гадко со всех сторон.

Я обняла подругу, старательно сдерживающую истерику, а она уткнулась лицом мне в плечо.

— Он не звонил?

— Я же телефон ему оставила, а симку выкинула.

— Кардинальные ты меры приняла.

— Мне не хочется больше жалеть о времени, я и так с бывшим мужем его достаточно потеряла, — слезы побежали сильнее, а нижняя губа бессовестно дрожала.

Анька была похожа на маленького котёнка, которому отказали в доме и ласке. И вот сидит он один — одинешенек и не знает, куда податься.

— Ты ведь давно уже решила, — постаралась я поддержать подругу.

— Д-да… Все правильно. Только… Чего же мне так хреново…

***

— «Консалт-Поволжье». Виктория. Слушаю вас! — чашка с кофе вернулась обратно на подставку.

Сегодня не судьба, видимо, насладиться растворимым «божественным напитком». После моего недельного отсутствия (и командировки Антона, нашего третьего собрата по оружию) начальник Миша выглядел, как бегун на длинной дистанции, который усилий явно не рассчитал и глотал пыль не только за победителями, но и за теми, кто никуда особо не торопился.

— Девушка, мне бы со специалистом по вашим программам пообщаться?! — послышался в трубке ворчливый мужской голос.

— Вы с ним и говорите, — этот вопрос был уже настолько привычен, что даже агрессии с моей стороны не вызывал. Да, не мужчина я, увы!

— Хорошо, — хмыкнули на том конце провода. — У меня ваша программа не обновляется.

— Название организации назовите, пожалуйста.

— «Семенов, Карпов и партнеры».

В списке клиентов сия контора значилась с отметкой об отказе в удаленном доступе к компьютерам, наличием у них системного администратора. И, кстати, срок их договора вот-вот должен был истечь.

— Вы — системный администратор? — уточнила я.

— Нет, я адвокат.

— Как можно к вам обращаться?

— Сергей Иванович.

Ручка быстро нацарапала имя-отчество в блокнотике, где значился уже внушительный список тех, кто позвонил за сегодняшний день.

— У вас требуемая программа запущена?

— Нет.

— Запустите, пожалуйста.

Послышался горестный вздох, кряхтение и стук по клавишам, хотя запуск программы больше к мыши имел отношение, чем к клавиатуре, для рядового пользователя.

— У вас появилось стартовое окно, слева сверху кнопочка с флажком «Обновление».

— Так…

— Нажимайте.

— Ммм. Вроде бы пошло, — сообщили мне радостно. — Мы раньше с этим как-то не сталкивались, оно само все… — поведал мне мужчина.

— Скорее всего, недавно у вас меняли или обновляли систему. Попросите вашего системного администратора настроить планировщик задач в операционной системе. Предполагаю, что сбилось автоматическое обновление для данной программы.

— Хм… Хорошо. Спасибо.

— Сергей Иванович, у меня стоит отметка, что срок договора у вашей компании истекает через неделю. Если руководство вашей компании желает продлить договор, необхо-

димо связаться с нашим отделом по работе с клиентами.

— Хорошо. Благодарю… Виктория! Погодите! Хотел спросить. Вы, то есть ваша фирма, работаете только с юридическими лицами или и с физическими тоже?

— И с физическими, и с ИП. Но физические лица предпочитают приобретать доступ к базе через интернет.

— Вы знаете, я, так сказать, человек старой закалки. Хотелось, чтобы подобное стояло на компьютере. И я в любое время нашел то, что мне надо.

— Я вас поняла, Сергей Иванович. Продиктуйте, пожалуйста, ваш телефон, я передам договорному отделу, с вами свяжутся и подберут тот пакет программ, который вас устроит.

— Хорошо. Спасибо.

Пока он диктовал, я быстро настрочила письмо в корпоративной почте с данными клиента и отправила менеджеру. А едва трубочка пикнула, схватилась за остывающий кофе, ополовинив кружку одним глотком и издав облегченный вздох. В горле пересохло.

— Вечером вызов на установку. Я съезжу, — хмыкнул Миша.

Я кивнула. Силы лететь на другой конец города у меня вряд ли бы нашлись. Душный набитый под завязку в час пик транспорт и марево на улице, если честно, наводили ужас. Это не советы давать, сидя в любимом кресле.

— Ты в Москву сводку подготовила?

— Давно уже отправила, — зевнула я.

— Умница. Ну что, будущий Билл Гейтс отбыл? — Миша сощурился.

— Угу.

— Как же это он свою Аду Лавлейс тут оставил? — хихикнул начальник.

— Очень смешно.

Мишке было слегка за сорок. Подтянутый, увлекающийся спортом мужчина с добрым нравом, терпеливый отец десятилетнего постреленка, любящий муж, он пользовался любовью и уважением всего коллектива, что, разумеется, не мешало ему меня подкалывать и тоже… любить. В смысле, как коллегу. И даже, может быть, иногда уважать. Когда я снимала с него рутину.

Да, я тоже программист. В трудовой книжке значится «технический специалист — инженер». Правда, никак не от благословения высших сил (как мой братец), а больше от собственного упрямства. Да и как-то не задумывалась я над сложной задачей: «Кем стану, когда вырасту?!»

Я не впадала в панику, как большинство девчонок в школе, при виде в списке предметов названий «алгебра» и «геометрия», с удовольствием решая задачки и за себя, и за того парня, точнее, за другой вариант контрольной. Отчего эти предметы у меня в аттестате значились с отметками пять с подрисованным плюсом. А еще юношество мое пришлось на повальное увлечение компьютерными играми, мимо ко-

торых я не прошла. И если сначала родители за голову хватались, пытаясь оттащить меня от компьютера, то потом плюнули и оставили в покое, а уж когда я заявила, что хочу учиться на программиста, подобрали челюсти и махнули рукой. В конце концов, у них подрастало второе чадо ничуть не лучше первого. А самое главное, первое чадо поступило в Политех без всякого блата на бюджет!

Так и получился из меня инженер со специальностью «Вычислительные системы и сети». У этого инженера к слову на третьем курсе глаза частенько были по пять копеек, потому что брат этого самого инженера предлагал шикарные варианты того, как писать тот или иной код и щелкал задачки, как семечки.

***

Вечер подкрался незаметно. Миша давно уехал, и я тоже готовилась отбыть в сторону банка, где меня ожидала тетка, когда позвонила девочка с договорного, новенькая, которая еще называла меня на «вы» и по имени-отчеству.

— Виктория Алексеевна, можно я к вам клиента отправлю? Поставьте ему, пожалуйста, полный пакет правовой системы. Все оплачено. Сергей Иванович Бардов. Очень приятный мужчина.

— Хорошо. Жду.

Я закрыла жалюзи, убралась на рабочем месте и даже бросила сумку на стол, чтобы быть, так сказать, на низком старте.

В дверь постучали и тут же открыли, и я так и застыла с кружкой в руке (которую хотела спрятать на подоконнике за горшком с геранью от слишком ретивой уборщицы).

Это был он! Тот самый красавчик из ресторана, бредовых мыслей в отношении которого я так испугалась.

— Эээ? Сергей Иванович?

Посетитель хмыкнул. В руках у него помигивал черный с белыми полосами по корпусу ноутбук.

— Не совсем, — голос у него оказался грубоватым. — Егор Михайлович.

— Вы за установкой?

— Нет, я за тем, чтобы вы исправили свои недоработки.

— Прошу прощения, — в дверях показался доброжелательного вида мужчина в костюме с седой шевелюрой и тоже с ноутбуком под мышкой. — Виктория?

— Сергей Иванович? — осторожно поинтересовалась я.

— Да, — мужчина улыбнулся. — Мне Наташенька из договорного сказала, что вы меня ждете.

— Да, конечно. Присаживайтесь, — я указала рукой на маленький клиентский стол, где этому бугаю (которому недоработки исправить, причем мои, судя по выражению его лица!) места явно не хватит.

— Егор… Михайлович, присядьте, пожалуйста, в коридоре. Клиент был записан.

— Мне некогда ждать, — бросил наглый тип, да так, что вся его красота мгновенно растворилась в неприятии его,

как личности. — Договор, — кинул он на стол папку, которая до этого пряталась за ноутбуком. — Компьютер! — помигивающий монстр лег на стол. — Как вас зовут? Виктория? — он бросил взгляд на бейджик (как будто имени моего не услышал только что из уст Сергея Ивановича). — Так вот, Виктория, я приеду через сорок минут, и прошу к тому времени устранить вашу оплошность.

— Простите? — пара колкостей уже вертелась на языке.

— Я звонил всю прошлую неделю. Мне рассказывали про отпуска, про болезни, про катастрофы и государственный переворот. Но я плачу за это деньги! А работать нормально не могу! Программа не запускается после обновления! — говорил он вроде и спокойно, но презрение и злость из него просто сочились.

Ругаться совсем не хотелось, да и в мои трудовые обязанности это не входило, для этого есть юридический отдел и тетя Клава со шваброй.

Я кивнула (из вежливости) и повернулась к мужчине, ожидавшему установку программы, тем самым показав Егору Михайловичу, что разговор окончен. Он его тоже завершил, хлопнув дверью, благо не сильно.

— Прошу прощения, — извинилась я перед клиентом.

Простенький ноутбук Сергея Ивановича мигнул, радуя любого сисадмина быстрой загрузкой и вполне предсказуемой историей.

А вот его собрат с красноватым глазком, устроившийся

рядом, явно походил на своего хозяина, такой же красивый, навороченный (синий костюм ему, черт возьми, шел) и вредный. И, как оказалось, с тучей вирусов, которые не то, что мешали программу открыть, загрузку самой операционки сильно тормозили. А история браузера… «Девственно» чиста! Пфф, насмешил! Порнушку через интернет надо меньше смотреть, Егор Михайлович… От нее все зло, точнее вирусы!

Русским наслаждаться жизнью сам Господь запретил.
Потемкин А. «Человек отменяется»

К тому времени, когда пакет программ был установлен на ноутбук Сергея Ивановича, и клиенту было разъяснено, как всем этим добром пользоваться, я остыла.

Даже на моей должности, предполагавшей написание и проверку кодов к вспомогательным программами и консультирование по возникшим вопросам в основном технический персонал (я бы даже сказала, исключительно технический), такое бывает: недовольные и несдержанные выплескивают на тебя весь свой негатив. Понятное дело, красавчик звонил в поддержку, а Миша всю неделю был один и отбрехивался, как мог, от еще одной бестолочи, не способной вовремя убрать галочку загрузки в всплывающих рекламных окнах.

Но зачем хамить с порога?

После ухода скандалиста меня еще долго снедало желание

(когда его величество вернется) высказать ему все, что думается, только потворство такому желанию равнялось минус премии.

Да и мое боевое компьютерное прошлое приносило свои плоды (а я порой этого уже и не замечала).

Вы представляете, что такое компьютерные игры, где девяносто девять процентов твоих «собратьев по оружию» — мужчины? Сколько «положительного» можно о себе узнать, когда пара лишних кликов мыши убивают твою команду, ведут к потери рейтинга, который набирался не один день (иногда для этого требовались месяцы ночевок за компом и все выходные за ним же с редкими отлучками в туалет и до холодильника). И хорошо, если тебе претензии выскажут в узком кругу, а вот если сидишь в компьютерном клубе… Мои парни под адреналинчиком пополняли мой запас матерщины знатно.

Только в нашем с Егором Михайловичем случае моей вины здесь не было. Но и это мы тоже проходили. Да и не забивать же ему стрелку?

Почистив свалку, в которую клиент превратил шикарную по начинке машину, я удостоверилась, что программа, за которую «он платит деньги», прекрасно функционирует, и захлопнула крышку. В этот самый момент, обдав горячим воздухом, в кабинет влетел взмыленный начальник моего отдела.

Я смотрю, не только у меня сегодня вечер «задался»…

— Кого они берут на работу?! Тоже мне корпорация! Нормального админа найти не могут! Ты бы видела?! Ноль понимания у человека! Так мало того, у них еще любой файл создать можно только с разрешения московских админов и под их контролем. Это ж… вообще… Секретные агенты, мать их!

Мужчина выдохнул, бросив сумку с рабочим ноутом на стол.

— Утром опять поеду, и, похоже, проторчу там весь день. Они ведь каждый пе… — начальник забавно кашлянул, — вздох с центральным офисом согласовывают. Так что, Ада, держи оборону!

В банк я летела со скоростью света (ну, может быть чуть медленнее), очень радуясь тому факту, что Миша приехал на работу, и еще больше тому, что он согласился передать ноутбук господину Зиновьеву, задержавшись на работе. А так как начальник пребывал в крайней степени раздражения, той самой, которая необходима, чтобы, не стесняясь в выражениях, высказать все, что накопилось (а на жаре так еще хорошенько вскипятилось) всем, кто подвернется под руку и, уже зная нрав Егора Михайловича, я не сомневалась, что последний подвернется.

Очень пакостная улыбочка сама при этой мысли наползла на лицо.

Конечно же, я не удержалась и заглянула в договор. Хорошо, что наши сотрудники данные клиента вбивают пол-

ностью. Вредный красавчик оказался уроженцем одного из райцентров нашей области — небольшого города при АЭС, снабжающей нас электричеством, а также частыми всплесками паники на тему выброса чего-нибудь радиоактивного в атмосферу, отчего йод в аптеках сметался вместе с мозгом мамаш, пихавших в детей сие лекарственное средство в качестве профилактики. И он оказался младше (как я и думала), но всего на полгода, так что мы оказались одногодками.

Засранец он все-таки!

Сейчас волноваться стоило о тете Насте и ее кредите!

Вопрос ипотеки я изучила достаточно подробно, ибо сама хотела встать в очередь желающих пополнить кошельки банкиров огромными процентами по кредиту, но явно не по грабительскому-потребительскому, на который нацелилась тетка. Я такого рода кредитами вообще не баловалась, остерегаясь их как огня.

Мать шепнула мне в субботу, чтобы я по возможности не дала сестре сделать глупость и лишиться последних средств к существованию. Но как это сделать, или хотя бы как это объяснить женщине, у которой единственный ребенок, пусть и великовозрастный, попал в беду?!

Город плавился в лучах заходящего солнца, стоял в пробках на узких магистралях, вдыхал клубы пыли и выхлопных газов.

Недавняя болезнь дала о себе знать дикой слабостью и тошнотой в автобусе, представлявшем собой железную на-

гретую коробку на колесах, что-то на языке пыток в Древней Греции. Чтобы немного отвлечься, пришлось засунуть наушники в уши и включить музыку громче. Это слегка успокоило разбушевавшийся желудок.

Телефон завозился, принимая сообщение. Писал мой друг Иван по прозвищу «Нежданчик». В играх он всегда предпочитал классы смертоносные и обладающие скрытностью, чем вступал в диссонанс со вселенной, ведь в реальной жизни обладал широкой улыбкой, добрым нравом и мягким характером подкаблучника.

«Здорово, Мышка. Как жизнь?»

С Ваней и Пашей (третьим нашим боевым собратом по играм) мы познакомились на первом курсе института (они были на моем потоке). Забавное время было. Вступительные экзамены из представительниц прекрасного пола сдала я и еще три девочки. Мужское царство будущих инженеров-программистов приняло нас удивленно, поглядывало с любопытством, как на диковинку, ухмылялось, а некоторые особо активные его представители могли даже пару скабрезных шуточек отпустить или на свидание пригласить. Правда, запала хватило лишь на пару недель. Мы быстренько свою гендерную принадлежность в их глазах потеряли и лишь одна из нас — Алла осталась девочкой.

Она являла собой образец настоящей блондинки, которая мало что смыслила в цифрах, а алгоритмы имели для нее несколько иное значение, нежели для нас всех. Она приезжа-

ла в институт на золотистой Хонде, бывшей в нашем городе в единственном экземпляре, приходила на занятия с крохотной сумочкой, в которой прятались косметика и диктофон, приборчик она включала на всех лекциях, непонятно, правда, зачем. Ведь ни одного экзамена она не сдала сама, оценки ставили и сессии закрывали для нее связи отца. Мальчики же ей вслед вздыхали, потому что она была именно девочка, а не как три оставшихся недоразумения, сами сдававшие свои рефераты и хвосты… И всех в принципе интересовал только один вопрос, что она забыла на этом факультете, в этом ВУЗе, да и вообще? Вопрос, правда, так и остался без ответа. Хотя потом ходили слухи, что с таким дипломом легче было получить грин-карту.

Ни я, ни другие девушки мужей себе на факультете так и не нашли (включая Аллу), хотя каждый второй пророчил нам сие достижение. Да и пути наши после института с сокурсницами быстро разошлись. Зато хороших друзей и отличных братьев по оружию в играх я нашла неимоверное количество, тщательно отсеяла и получила на выходе Ваньку и Пашку, к последнему частенько «бегала» за консультацией по вопросам сисадминства, а он к моему Ваське по вопросам программирования. Ванька же после окончания института «сменил религию» и сейчас работал экспедитором. Пашка был на выданье, а Ванька уже женат и даже умудрился завести пацаненка, чьими фотками пестрела его страничка в соцсети, на которой тусовалась исключительно его жена.

— Гоу зависнуть в пятницу в «Зионе»? — поинтересовался друг, ибо строчить сообщение ему было лень, и пришлось звонить.

Уже много лет, как эпоха компьютерных клубов миновала, думаете вы… Ан, нет. Еще имеют место быть подобные заведения. Раньше там вершились великие дела: ходили туда все: и те, кто не имел возможности купить комп, и те, у кого дома стоял агрегат с неплохой начинкой, ходили и мальчишки, с опаской косящиеся на дверь в ожидании разгневанной матери, парни, в ожидании того, что им пиво из-под полы пронесут, мужчины, которым было просто хорошо. Все проводили время, забывая про школу-институт-колледж-ПТУ и прочие учебные заведения, семью, проблемы и работу. Теперь, правда, подобные места существуют исключительно на голом энтузиазме их владельцев. Они стали штучным товаром. Когда-то и я была их завсегдатаем: надевала тонкую кофту с капюшоном, скрывая длинные волосы, и гоняла по сказочным мирам вместе с друзьями.

Приятель моего одноклассника подрабатывал в таком клубе дежурным админом-кассиром, потому места всегда имелись, как и доступ к главному компу, а это позволяло устанавливать то, что нужно было из программ помощи игрокам или «внеуставные» игры.

Пацаны помимо этого наслаждались еще и наблюдением через удаленный доступ за тем, что делают девушки, иногда заглядывавшие в клуб. Они заходили в свои аккаунты на

сайтах знакомств, вели переписку, выставляли фото, даже не догадываясь, что сидящая за стойкой группа парней уже обсудила размер груди, пропорции филейной части и уровень знания русского языка (интеллигенты, блин).

Хорошее было время! Его уничтожили технический прогресс и людское стремление к домоседству (лень короче!).

— Болею я, — поведал мой низкий голос другу.

— У! А я думал, аренку замутим. Пашка, правда, в отпуск умотал, но мои в выходные на дачу к Катькиным родакам отбывают, такое нельзя упустить.

— Так из дома же проще! — начала было я.

— У меня дома бедлам. Подгузники, которые Катька никогда не кладет в пакет, и от них вонь въелась в стены, смесь по дивану, весь ноут забит мультиками, развивалками и фотками, — запел хорошо отрепетированную песню Ваня.

— Поняла я, поняла! Не ценишь ты счастье отцовства.

— Еще как ценю, но иногда волком выть хочется, — честно сознался друг.

Ванька всегда считал, что он и Катька поторопились с малышом, однако это не мешало молодому отцу сюсюкаться со своей маленькой копией.

Я задумалась. Анька сто процентов ударится в депрессию, а в это время она перечитывает любовные романы, пьет вино маленькими глоточками и ревет белугой. А я ей тут не помощник.

— Ну, давай, если мне хуже не станет, то в пятницу вече-

ром.

— Договорились! — обрадовался Ванька. — Я за тобой заеду!

— Ууу! Ты в трезвенники подался?

— Не дождешься, — хмыкнул друг. — Там рядом СТО хорошая, а у меня коробка чего-то дергать начала, сдать хочу.

— Тогда ок!

***

Сотрудница банка очень старалась выглядеть приветливо и заинтересованно, но выходило у нее это не особо удачно. Жара и конец рабочего дня, клиент — женщина в возрасте с глазами на мокром месте — все это не лучшим образом сказывалось на клиентоориентированности.

— После предоставления необходимого пакета документов денежные средства будут перечислены на вашу карту, с даты предоставления кредита и не позднее десятого числа каждого месяца в размере, указанном в графике платежей, вы должны будете его погашать.

— И каков будет этот размер?

— Это зависит от суммы и срока. С учетом того, что вы пенсионер, и кредит вам может быть предоставлен без поручителя и залога на сумму не более трехсот тысяч, в месяц с учетом процентов и максимального срока будет выходить около семи с половиной тысяч рублей.

И у мамы моей и у тети была одна такая милая особен-

ность — когда они готовы были зарыдать, они слегка улыбались. Эту улыбку сложно с чем-то спутать знающим людям. И причина ее сейчас была очевидна — зарплата тетки вместе с пенсией около тринадцати тысяч…

— А можно взять договор почитать? — встряла я, заставив девушку оторвать взгляд от тети Насти и дать той передышку.

Сотрудница пожала плечами, и вскоре принтер выплюнул целую пачку макулатуры, мне кажется, листов там было больше, чем купюр по тысяче, которые получила бы тетя, возьми она этот злосчастный кредит наличкой.

Едва мы вышли из здания, Анастасия Валерьевна засеменила к лавочке у входа. Всегда жуткая аккуратистка, она не заметила, как наступила на жвачку, отчего шлепка прилипала к горячему тротуару, всему оранжево-розовому от лучей заходящего солнца.

— Надо брать. Звонили Саше, требуют денег по каким-то распискам мужа, — тетка опустилась на лавочку с логотипом банка на спинке.

Я присела рядышком. Нагретые солнцем доски и металл обожгли кожу ног.

— Мне нужен хотя бы один день. Мы с подругой почитаем. Наверняка там какие-то скрытые переплаты, типа страховки, а их можно исключить, тогда и платеж будет меньше.

— А вдруг они… с ней что-нибудь сделают? — в глазах тети стояли слезы. Она меня даже не слышала, полностью

погрузившись в свое горе. И понятно почему!

Вроде не в 90-е живем, а чего только в новостях не прочитаешь!

Она так и просидела, смотря прямо перед собой в пространство, до самого закрытия офиса, охранник которого, в назначенное время выглянул наружу, выкинул в урну фантик от конфетки, щелкнул замком, призванным охранять банковские тайны и сбережения, и исчез за опустившимися жалюзи.

— Может и правда продать квартиру, а? — Анастасия Валерьевна тяжело вздохнула.

Родители часто говорили, что Саше не повезло. Но в тот момент мне подумалось, что они ошибаются. Везение хорошо при игре в рулетку, а в жизни надо уметь здраво оценивать свои возможности. Мать всегда мне твердит, что лучше жить по средствам. Хотя все, что нас окружает, то самое общество потребления кричит: «Ау! Вика! Ты живешь лишь раз! Неужели тебе не хочется слетать в далекие страны, купить хороший телефон, на которых ты помешана или компьютер?!» Оно и Сашу звало, только та зову поддалась. Чуть возросший доход мужа породил неуемный аппетит. И ладно бы она расхлебывала эту кашу сама, так нет, кредитную эстафету она пыталась всучить матери.

— Я не знаю, теть Насть.

А что я могла сказать?

Только вот по пути домой в полупустом автобусе, глядя

на мелькавшие машины, дома и людей, я все никак не могла отделаться от мысли, будто утопающий просил меня о помощи, в руках у меня был спасательный круг, а я ему его не бросила. У меня ведь лежат деньги в банке, моя доля от бабушкиного «наследства», мой первоначальный взнос. Но если мама узнает, она меня убьет. Или нет? Я, если честно, не считаю до конца эти деньги своими, хотя родители никогда не требовали отчета. Это же подарок бабушки.

***

Огонек на кончике сигареты чем-то напоминал красный маячок оптического прицела. Неосвещенный сквер, куда выходила дверь компьютерного клуба, застыл, что наш каштан, когда солнце в зените. Черные кроны деревьев будто повисли в воздухе, тонкие стволы растворялись в сумерках и далеком свете фонарей, вывесок и реклам.

Город опустел, все старались ловить последние теплые деньки, когда еще можно искупаться, посидеть компанией под открытым небом у костра или порыбачить.

В клубе было холодно из-за работающего кондиционера, и тепло ночи окутало и приятно согрело, подумалось о родительской даче, о шашлыках и уютном гамачке с книгой. Старею…

Видно, что совсем недавно, прошел теплый еще дождик, сбил пыль и духоту. Запахи города стали ярче — на научном это называется петрикор. Мне он совсем не нравился на даче, а в городе наоборот. Чуждый бетону и асфальту земли-

стый запах приятно щекотал нос.

Я редко курила, только когда позволяла себе выпить пива, или когда не шла игра. А сегодня Ваньку я не радовала, откровенно тормозя на самых важных моментах. Друг предположил, что у меня ПМС (мужская версия объясняющая происходящее в девяносто девяти процентов случаев, оставшийся процент — дура). Но, если честно, играть просто не хотелось. Неделя выдалась тяжелой и в физическом плане, и в моральном.

Мысль о тете Насте не отпускала. Моя мама с сестрой были очень дружны, да и я любила тетку, ее вкусные щи и блины. Любила воспоминания из детства об ее старой квартире, трехкомнатной, огромной, в ветхом домишке немецкой постройки. Там была небольшая лесенка, ведущая к чуть приподнятой из-за подвала кухне, я маленькая часто играла на ней, изображая из себя принцессу, чей длинный шлейф из маминого шарфа красиво скользил по ступеням, а туфелька, роль которой играл старый тапок, обязательно соскальзывала с ноги. Я любила ее собаку, поездки с ней в деревню к бабушке, которая до самой смерти не чаяла в маме и тете Насте души, любила стога сена, на которые залезть было делом чести, правда, сердце замирало при мысли о возможной встрече с их обитателями — серыми хвостатыми, любила синее бездонное небо, грибы почти у самого порога, русскую печь, побеленную, чистую, ухоженную, которую берегли больше иконы в красном углу, любила старый добротный

деревянный дом с амбарами, закутком для кур, который в руках тетки оживал (мама моя редко в силу работы приезжала на историческую родину). А уж жареная картошка с грибами и молоком, вкусней которой не было ничего, навсегда в моем сердце.

Тетя все-таки взяла кредит на следующий день, его одобрили даже быстрее, чем мне с моей более высокой зарплатой и возрастом, дававшим возможность быть заложником банка очень долго.

Деньги улетели на восток. А через день состоялся видео-созвон с моей драгоценной двоюродной сестрой. На столе за ее спиной томился в ожидании весьма недешевый набор продуктов и бутылка коньяка, в общем, не то, что едят и тем более пьют те, у кого не хватает средств оплатить воду из-под крана. Мне было противно и горько. Тетке я говорить не стала, а вот с мамой поделилась. Та долго сидела, уставившись в пространство и качая головой, прямо как тетя Настя.

Обиженная Саша все-таки урвала крохи у матери, отказавшейся продавать однушку, в которой сейчас проживала на самом краю города, ради спасения ее задницы.

Анька тоже впала в страшную депрессию, заявив, что проведет остаток дней в окружении кошек, от которых хотя бы знаешь, чего ждать. Но, как оказалось, даже тут закрался подвох и весьма неприятный — на кошек у нее аллергия. В итоге подруга все нерабочие дни проводила именно так, как я и предполагала, только вместо вина в бокале плескалось

крепленое пиво. Экономия… Деньги нужны были на телефон.

На работе был полный завал, все выходили из отпусков и требовали отчетов, переучётов, исправлений, и это помимо прямых обязанностей.

Порадовал только Васька, приславший отчет с видами квартиры и рабочего места (где у него уже был свой кабинет с отличным компом, на котором брат творил!).

Огонек добежал до фильтра, и сигарета оказалась в пепельнице, роль которой играла банка из-под «яги». Я вдохнула теплый, но уже такой осенний воздух и пошла получать свою порцию «тумаков» от Ваньки, надеясь, что друг все-таки поостыл.

Из подвального помещения, где размещался клуб, потянуло прохладой, и я сделала шаг на лестницу, убегавшую вниз. Странный звук, затем треск, донесшиеся откуда-то сверху, заставили меня вздрогнуть и замереть.

Через несколько мгновений, прорвав лиственную завесу, на асфальт недалеко от входа в клуб что-то упало. И то, что упало, захрипело, заставив мурашки ужаса промчаться по спине. Я с испугу не могла понять, что предпринять, лишь сделала несколько нерешительных шагов в сторону темневшего на фоне тусклого света силуэта.

Может, я слишком долго шла, но то, что лежало и хрипело — затихло. И чем ближе я подходила, тем очевиднее было — это человек.

— Служба спасения. Что у вас случилось?! — как телефон оказался в руке, и когда я успела набрать нужный номер, из памяти улетучилось.

Голос повиноваться отказался, и я почти шептала.

— Человек упал… с высоты.

— Адрес назовите!

— Улица Чернышевского недалеко от Ильинской…

В это время из клуба появились две фигуры — парочка посетителей тоже решивших покурить. Они громко разговаривали, перебивая друг друга, смеялись, весело размахивали руками, что-то друг другу доказывая.

— Помогите, пожалуйста!

Силуэты замерли.

— Что такое? — крикнул один из них.

— Человек упал! Посветите!

Я даже забыла про оператора, которая вещала о том, что нельзя трогать пострадавшего.

Парни долго медлили, но все-таки подошли. Один из них достал телефон, свет его фонарика мгновенно нарисовал пятно на земле, и оно поползло в сторону тела, но как-то нехотя.

Когда оно все же оказалось рядом, я с удивлением обнаружила, что стою жутко близко к тому, кто лежит на асфальте, настолько близко, что захотелось отпрыгнуть.

Одна нога мужчины была обута в лакированный ботинок, второй, наверное, отлетел куда-то во тьму, переливчато се-

ро-голубым блеснула ткань брюк, руки раскинуты в стороны, как перебитые крылья птицы, и его лицо…

Боже, это же… Егор…

Вы судите по костюму? Никогда не делайте этого. Вы можете ошибиться, и притом, весьма крупно.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Психика пыталась оградить меня от произошедшего и не нашла ничего лучше, кроме как демонстрировать реальность урывками. Эдакое «слайд-шоу». Мы используем этот термин в игре, когда скорость воспроизведения изображения падает значительно ниже двадцати четырех кадров в секунду, и оно разбивается на отдельные, медленно сменяющие друг друга картинки, как в комиксе. Профессионалы могут играть и так какое-то время… Я считала себя профессионалом.

На первом слайде во мраке ночи застыл сквер. Его густая черная листва нависла над головой, словно наковальня, и не отпускало ощущение, что она вот-вот рухнет, раздавит, уничтожит.

Парни рядом курили, глубоко и часто затягиваясь, отчего огоньки их сигарет горели в темноте, точно глаза нечисти. А в ушах все еще звучал хрип…

Лента городских новостей порой информирует скупыми фразами о том, что кому-то стало настолько тяжело, что он решил свести счеты с жизнью, воспользовавшись, по его

мнению, самым надежным способом — шагнув в окно. Но одно дело мазнуть взглядом по некрологам, и совсем другое — стать свидетелем. А еще страшнее — знать того, кто изломанной куклой лежал на потрескавшемся асфальте, неспособный больше дышать и мыслить.

Мда…

Каюсь, мне всегда казалось, что у красивых людей поводов отчаиваться немножечко меньше, чем у всех остальных. Ведь глупо отрицать, внешность способствует и карьере, и личной жизни, если ее обладатель не полный идиот… Да и тогда у некоторых есть шансы… А с лицом Егора Михайловича можно было бы очень неплохо устроиться. Наверное… Хотя у мужчин все слегка иначе. Да и не могу я представить себе иной повод кроме смертельной болезни, которая вот-вот тебя приберет и заставляет адски мучиться, чтобы совершить то, что сделал чертов скандалист Зиновьев!

Ведь несколько дней назад он не дал мне ни малейшего повода думать, что у него все настолько плохо в жизни. Наоборот! Красавец был живее всех живых, и скорее сам вызывал желание «выпнуть» его с этажа повыше за хамоватое поведение!

Мозг снова решил выщепить пару сцен из действительности.

Сквер к тому времени окрасился синим, красным и белым от мигалок скорой, полиции и службы спасения. Мелькали

силуэты: из клуба и со двора дома подтянулись зеваки. Те, кто не отбыл на дачные участки или еще не спали (а если и спали, то проснулись), жильцы открыли окна, особенно на первом этаже.

Егор… Он казался каким-то… ненастоящим. Манекеном. Будто кино снимают, и он — реквизит. Или как в игре… В ней, правда, обычно есть кнопочка, запускающая программу отката, восстановления, воскрешения в конце концов. Только в пользовательском интерфейсе, который нам предоставлен жизнью, это, как назло, разработчиком не предусмотрено. Или заблокировано…

Разговоры, шум двигателей, окрики, хруст веток под чьими-то ногами, и все это в густом сиропе ночи, бликов света, и будто замершего воздуха. Мне вдруг стало жутко холодно. Хорошо, что Ваня рядом оказался и накинул свою кофту мне на плечи.

— Вы слышали звуки борьбы, крики? — опрашивающий меня полицейский в этой темноте, перемежавшейся разноцветными вспышками, тоже казался нереальным, как и тело, накрытое черным пакетом.

Недалеко от нас курил шофер, облокотившись на капот машины с красным крестом, терпеливо ожидая, когда можно будет забрать «клиента».

— Вроде нет.

— Вам знаком пострадавший? — он ожидал услышать, что нет.

Меня всегда забавляло это слово, оно часто мелькает в новостях, детективных сериалах. Но в данном контексте оно звучало нелепо. Егор не пострадал, он умер, он лишен способности страдать, да и всех других тоже. И это уже необратимо. Хотя может это в смысле «отстрадался»?

— Если не ошибаюсь, его зовут Зиновьев Егор Михайлович. Он был клиентом нашей компании. Я его видела… раз.

— Почему вы так уверены, что тот, кого вы видели и пострадавший — одно лицо? — полицейский оторвался от записей.

— Ну, — замялась я. — С такой внешностью сложно не запомнить.

Мужчина средних лет с залысинами и неглубокими морщинами, которые, однако, уже успели изрезать уголки глаз и рта, усмехнулся, и, по-моему, чуть презрительно.

— Он здесь проживал?

— Я не знаю!

— Адрес регистрации его, телефон, что-то можете назвать?

— Нет, конечно. Но завтра договорной отдел с утра работает, у них есть данные на всех клиентов.

— Адрес проживания и регистрации, имя, отчество, фамилия и место работы.

— Его? — я посмотрела на сотрудника правоохранительных органов, как на сумасшедшего.

— Ваши, — послышалось усталое.

Я что-то подписывала. Что-то говорила. Что-то отвечала. Даже не вспомню сейчас что. Конечно, ни о каких играх речь уже не шла. Ванька, смотревший на меня сочувственно, вызвал такси и подбросил до дома. Всю дорогу он вздыхал над неудавшимся походом и с грустью смотрел на пустые улицы, мелькавшие за окном. Его такси с желтым гребешком, захватив с собой в порыве ветра часть опавшей листвы и мусора, сбившихся в кучу у бордюра, укатило в сторону моста через Волгу, потому что друг мой проживал на другой стороне реки в городе, входившем в агломерацию с областным центром.

Окна особняка, где располагалась наша с Аней квартира, были темны. Дом выглядел необитаемым. Правда, ничего необычного в этом не было! Перевалило давно за полночь!

Дворик с одиноким фонарем над входом всегда казался мне по-домашнему уютным, но сейчас он был уныл, будто потерял душу и смысл существования давным-давно, став из крохотного центра усадьбы, где бегали дети и куры, ступали важно хозяева и торопливо служанки и работники, скопищем квартир для людей, часто никак друг с другом не связанных, с разными целями и мечтами.

Единственное, что согрело озябшую душу, это свет в окне на кухне. Подруга еще не спала.

Аня сидела на диване и пила чай из огромной кружки. Перед ней на коленях лежала старая потрепанная книга — Макнот и ее наивные романы о супермужчинах и нежных

куколках-девушках, наделенных талантами и способных из гадких утят обращаться настоящими королевами.

— Чего-то ты рано? — удивленно заметила подруга. — Думала, опять до утра проторчишь.

— Угу, — я достала из холодильника упаковку сока и плюхнулась на табурет рядом. — Возле клуба парень с балкона выбросился. Насмерть.

— Боже, — передернула плечами Анюта — Ужас какой, — она посмотрела на меня удивленно и чуть испуганно. — Ты… видела?

Я скривилась.

— Как люди на такое решаются?! — девушка загнула краешек странички и закрыла книжку. — Есть хочешь? Я могу разогреть.

— Да нет, — я воткнула соломинку в пакет с пляшущими на красочной картинке фруктами и методичными глотками опустошила.

Говорить подруге о том, что я уже встречала погибшего молодого мужчину, совсем не хотелось. Тем более о том первом разе в ресторане, этот эпизод в связи с потрясением был памятью «оживлен» и разукрашен во все цвета. И почему-то для меня воспоминание это стало вдруг интимным, а я не люблю говорить о таких вещах.

В ресторане Егор выглядел довольным жизнью, а теперь он уже никогда не почувствует ничего, даже сладковатого, вяжущего язык вкуса яблок, персика и ананаса. Ты так редко

замечаешь в жизни то, что приносит тебе хоть и крохотную, но радость.

Мда… Не считала себя впечатлительной, но кажется, что его хрип будет теперь являться мне в кошмарах…

***

Хозяйка большого дома лежала в шезлонге возле бассейна. Парящие на тонких проводах над площадкой, выложенной золотистой плиткой, фонари освещали ее идеальный профиль и гладкую кожу, высокие скулы и длинные густые ресницы. Вдали темнели громады частных домов, чьи владельцы имели достаточно денег, чтобы купить себе уединение размером в несколько гектаров на берегу Волги вместе с пляжем и причалами. Здесь должны были царить умиротворение и тишина, но…

— Ради всего святого, заткнет его кто-нибудь уже или нет?! — простонала молодая женщина.

Книжка в мягком переплете захлопнулась и была безжалостно отброшена.

Лера про себя усмехнулась — определенно современный прозаик не смог заинтересовать работодательницу настолько, чтобы та, забыв обо всем (даже о воплях придурка за воротами) погрузилась в созданный писателем мир. С некоторой долей ехидства женщина отметила про себя, что изображение на обложке было одной из работ известного в начале двадцатого века приверженца кубизма, что уже показатель того, что мышление автора книги и его редакторов

своеобразно. Ибо попытка подвести реальность под геометрические фигуры считалась Лерой Александровной исключительно мазней, и ничем более. Да простит ее переоцененный Пикассо.

— Охрана разберется, — сообщила она хозяйке, откладывая телефон, с которого только что ушло гневное сообщение оператору, круглосуточно мониторящему ситуацию с безопасностью в поселке.

— Во сколько завтра рейс? — поинтересовалась Нина Павловна Войцеховская, когда глашатай из сумасшедшего дома решил сделать передышку.

— В два часа. В четыре десять вы будете в Москве! Шофер будет вас ждать.

Работодательница горестно вздохнула.

— Можно отменить… — начала было Лера.

— Нет, — Нина покачал головой. — Виктор просил подписать последние бумаги. И мне очень хочется поставить точку в этом муторном деле. Миллионы точек! — она задумчиво откинула прядку, выбившуюся из пучка, скрепленного изящной поблескивающей золотом заколкой.

Она с утра прилетела из Минеральных Вод с фестиваля, проспала весь день и лишь совсем недавно соизволила выйти из комнаты. Хозяйка всегда входила в состояние стресса перед поездками в столицу. Она ненавидела Москву, недолюбливала Европу, обожала Канаду, и, как ни странно, любила свою «историческую» родину. Здесь она будто ожива-

ла. И понятно почему.

Любовь…

Похоть…

Страсть…

Называйте, как хотите.

Валерия, помощница и отчасти компаньонка, решила определения этому не давать, ибо это в ее обязанности не входило. Но Нина Павловна после каждого свидания омолаживалась получше, чем после процедур, что над ней производили косметологи и врачи всех мастей в лучших клиниках.

Еще бы!

Мальчик действительно был хорош, а уж для степной полосы России вообще был редким видом. Он скорее походил на скандинава высоким ростом, широкими плечами, серыми до блеска глазами, из образа бога Тора выбивались только волосы, угольно — черные. И если не верить мифам, то викинги не были светловолосыми, а с горя даже использовали обесцвечивающее мыло, хотя неизвестно — правда ли это.

Лера ни в коем случае не страдала предубеждением и ханжеством, и не видела она в Нининой влюбленности альфонса. Хотя молодой мужчина пользовался благами, которые ему предоставляла владелица внушительного пакета акций нескольких крупных российских предприятий, доставшихся после семнадцати лет брака. Однако красавец не зарывался. Думал симпатичной головушкой и свои маленькие проблемы старался решать сам, чем, конечно же, вызывал еще

больше симпатии со стороны Нины. Да и не сильно большая разница в возрасте между ними имела место быть. Ему двадцать семь, ей тридцать девять. Это смешно по нынешним временам, тем более для любовника.

Опять начал свою проповедь на повышенных тонах сумасшедший, каким-то чудом проникший на закрытую территорию огромного коттеджного поселка и в данный момент оповещавший его жителей о том, какая кому в аду предназначена сковородка.

Лера Александровна потерла виски, тяжело вздохнула, обругав местных «защитников» покоя последними словами и вернулась к разбору корреспонденции и счетов.

На тумбе возле шезлонга зашелестел мобильник. Нина Павловна недовольно хмыкнула, но попискивающий телефон взяла.

— Да, — хозяйка встала с кресла и с бокалом вина в руке зашагала вдоль бортика бассейна. — Дима, а можно чуть менее сумбурно? — в голосе ее послышалась усмешка.

Лера опять окунулась в «стопку» электронных писем, но звук разбившегося стекла заставил ее подскочить. Хозяйка стояла, согнувшись, и широко раскрытыми глазами смотрела на воду, мягко перекатывающуюся по ступеням бассейна.

— Нина Павловна! Что такое? Вам плохо? — сорвалась с места помощница.

Телефон упал в воду и лежал на дне, резко выделяясь темным пятном на фоне светлой плитки.

— Его больше нет…

***

Мы с Мишей и Антоном договорились, что будем приходить на работу к восьми тридцати посменно, чтобы запускать сервера, не стопоря работу фирмы и давая возможность двоим из нас понежиться в постельке (мы те еще совы, это нас и сплотило).

В понедельник была не моя очередь, и я завела будильник на волшебные восемь тридцать, чтобы проспать лишний час и заявиться на работу в лучшем случае к девяти тридцати.

Анюта, с которой мы провели все выходные, глазея сериалы и попивая винишко, убежала на работу. Она молодец! Держалась, как могла, хотя поминутно (полагая, что я не вижу) заглядывала на страницу в соцсети и электронную почту с тайной надеждой, что Костя свяжется с ней. К его чести стоит сказать, он подобных попыток не предпринимал.

Да и, как оказалось, своей страницы в соцсетях у него не было. Видимо, имелись дела поважнее листания бесконечных картинок и гифок: семья, дети, работа, новая любовница!

Эта озвученная безжалостной (бестолковой!) мною мысль заставила подругу побледнеть и прижать кулачок к губам, но она справилась. Анька все же не научилась плохо думать о тех, кто ей небезразличен. Может и легче ей считать, что он любил, просто так сложилась жизнь, чем думать, что она для него также легко заменима, как носки.

В девять, когда я уже втиснулась в платье, которое гладила чуть ли ни ногой, параллельно просушивая влажные волосы, раздался звонок в дверь.

Странно…

Хозяйка без предупреждения не приезжала. Мама и папа позвонили бы мне, или Ане, если о ее родителях говорить.

Выдернув фен из розетки, я прошлепала с ним в руках в коридор и распахнула дверь.

— Мама!

А чтобы вы сказали, встретившись лицом к лицу с покойником?!

Бровь красавчика, который уже должен был быть готов к погребению, взлетела вверх.

— Вот когда мы встречались, — выдал гость знакомым грубоватым голосом.

В руках у ожившего мертвеца была пачка документов в прозрачной папке.

— Виктория Алексеевна Смирнова, — это был не вопрос. — Можно с вами поговорить?

Я еле нашла в себе силы кивнуть.

— Можно войти?

Вампирам надо давать разрешение, чтобы они могли проникнуть в дом жертвы. Точно помню! Где-то читала! Тусклый свет лампы в коридоре придавал ему вид кровопийцы из знаменитых Сумерек, которыми, помнится, бредили мои подруги все возрастов.

Я была точно в трансе и попятилась. Мужчину же передо мной, наконец, осенило, что у меня сейчас обморок приключится.

— Не пугайтесь, — он сделал шаг в прихожую. — Меня зовут Егор…

— Я в курсе, — голос мой больше походил на хрип.

Красавчик тяжело вздохнул. Только сейчас при нормальном освещении стало заметно, как он бледен, что под глазами темнели круги, что рубашка мятая, джинсы старые и потрепанные.

— Погибший, — голос его дрогнул, — мой брат. Его зовут… Звали… Артем.

***

— Мне так жаль! Я… Я прошу прощения, — в сотый раз выдала я сидевшему напротив Егору Михайловичу, и если раньше он отвечал, потом просто кивал, то теперь бросил на меня раздраженный взгляд. И (блин!) захотелось опять извиниться.

Там, возле клуба был… другой мужчина, безумно похожий на Егора, сидевшего ныне на нашей с Аней кухне.

И только теперь, очень вряд ли, но возможно, я смогла бы отличить их. И хотя их общая фотография, которую мне показал Егор Михайлович, была сделана больше двух лет назад, но мне показалось, что Егор на ней был как-то больше что ли, шире в плечах. Артем тоже был в хорошей физической форме, но все же как-то грациознее и тоньше. Да и во-

лосы у него были тогда с осветленными прядями.

— Вы точно ничего необычного не слышали? — спросил он в сотый раз.

Егор был уверен, что брат никак не мог пойти на такое. Не верил он и в то, что следственные органы будут выяснять все обстоятельства случившегося. Им проще сделать это самоубийством и закрыть дело. Конечно, по словам Егора Зиновьева многое зависит от результатов медэкспертизы, но по осмотру места происшествия из материалов следователя, все указывало на то, что Артем сам шагнул в пропасть.

Виктория Алексеевна Смирнова, то бишь я, как вы понимаете, в этих самых материалах значилась, как свидетель и как опознавшая погибшего (правда, неверно).

Я покачала головой.

— Поздно было. Тихо. Обычный городской гул для полночи. Нет… Хотя пятый этаж. Густая листва. Да и он не… — я запнулась, отвела глаза, — не кричал даже, когда… Только стонал… потом…

Егор откинулся на стуле и закрыл глаза, по скулам его заходили желваки.

— Бред какой-то, — мужчина выплюнул это, будто ругательство.

— Извините, — я опустила глаза. — Соболезную вашей семье и его девушке.

— Девушке? — глаза Егора сощурились.

Вот дурында!

— Простите, просто вся эта путаница началась с ресторана. И я снова могу ошибаться, но…

Ой, остановись, Вика! Ты и так уже дел натворила!

— Понимаете, когда вы в офис пришли, я была уверена, что вас уже видела. Но если смотреть на ваше с братом фото, то мне теперь кажется, что в ресторане около двух недель назад я видела вашего брата, а не вас. Он был с женщиной. И они определенно были парой. Хотя, — поспешно добавила я, — это вполне могли быть и вы.

Хотелось испариться…

Егор почесал лоб.

— Это точно был не я. А вы уверены, что это он был? — резонный вопрос.

— Если не вы, то точно он.

Егор вопросительно приподнял бровь, ожидая более развернутого ответа.

— Ну… — смутилась я. — С такой внешностью вас сложно… — чуть не ляпнула «забыть», — не заметить.

Черт! Еще хуже звучит!

Слава богу, он был слишком занят своими мыслями, чтобы обратить внимание на вынужденный комплимент.

— А что за ресторан?

— Называется «Дворянское гнездо», рядом с усадьбой Мусатова.

— Кого? — переспросил Зиновьев.

— Э… Художника. «Призраки», «Осенний мотив»,

«Майские цветы», — я все ждала, когда на собеседника снизойдет озарение. Как-никак это очень известный художник. Только, похоже, зря!

— Русский символист. Его работы даже в Третьяковке висят. Борисов-Мусатов.

— Ясно, — отмахнулся Егор. — А можно конкретнее, где это?

Мне кажется, или нотки «вредности» таки проскользнули. Но ему сейчас простительно.

— Пересечение Вольской и Бахметьевской.

— Я… учился в юридическом ниже по улице. Столько лет там ходил, не видел там музея, — удивился Зиновьев.

— Ну, это такой сруб в глубине двора.

— А! — закатил глаза Егор.

Я бросила взгляд на часы.

— Егор Михайлович, если вы не против, я на работу опаздываю.

Вот слово «работа» ему понятно. На самом деле мне было его безумно жаль. Несмотря на попытки сосредоточиться на деле, он порой зависал, как программа, которой не хватает мощности компьютера, чтобы «жить дальше».

— Да, конечно. Если что-нибудь вспомните, позвоните, пожалуйста! — визитка легла на стол.

Я тяжело вздохнула, когда за ним закрылась дверь. Не представляю, что было бы, лишись я вот так Васьки, а ведь мы с ним не близнецы, говорят, их связь гораздо прочнее и

глубже.

«Зачем вы пишите это?»
Л. Н. Толстой о пьесе М. Горького «На дне»

Трешка Зиновьевых располагалась на втором этаже кирпичной пятиэтажной хрущевки, утопавшей в зелени тополей-свечек, старых каштанов, диких яблонь и слив. У подножья их стволов в небольших палисадниках разрослись кусты сирени. Ее дурманящий аромат по весне заполнял весь большой двор. Нежно-фиолетовые лепестки осыпались на серый асфальт, узкую лавочку, ютившуюся у высокого крыльца и смотрелись, как дорогое кружево.

Когда-то, кажется, в другой жизни, вместо просмотра телевизора бабушки — обитательницы домов, окружавших двор наподобие крепостных стен — выходили по вечерам на улицу, выносили вместе с бумажными пакетиками яблок и семечек, «сидушки» от старых стульев (чтоб помягче и потеплее) и становились информационным центром жизни целого двора. Теперь и лавочка вроде новая, а сидеть на ней стало некому.

Поселок Техстекло, ныне городской микрорайон, где и располагалась пятиэтажка, застраиваться начал в середине 50-х годов прошлого века для обеспечения жильем работников крупного и достаточно известного в стране в то время, точнее ее Европейской части, стекольного завода, чьей

продукцией были оформлены Кремлевский дворец съездов и Останкинская телебашня.

Инженеры завода, мастера и простые рабочие получали здесь, кто комнаты и однушки, кто двушки, а кому везло, и трешки, строившиеся силами самого завода, который не поскупился и на Дом культуры и на Дворец пионеров. Может потому долгое время поселок был одним из самых чистых и безопасных мест для проживания в городе на Волге: большинство его обитателей дружили семьями, оттого пришлых примечали сразу.

Михаил Федорович Зиновьев, совсем крохой переехавший вместе с родителями из далекой деревни в город, вырос в этом тесном рабочем мирке, здесь он и учился, а позже, как и его родители, пошел работать на завод, отдав любимому делу пятьдесят лет жизни, дослужившись от простого ученика мастера до инженера цеха.

Все у него было: жена — красавица, дружная родня, хорошие друзья, с которыми хоть пить, хоть воевать, работа, которую он любил безмерно, а при таком отношении и премии, и уважение, и портрет на доске почета, и дача на Волге возле самого берега, лодка для рыбалки, Москвич, а потом и Жигули (тут уж не без помощи родственников).

В середине 80-х Михаилу Федоровичу, как женатому, но бездетному была выделена от завода однушка. На двоих хватало за глаза. А уж когда хоть поздние, но такие долгожданные сыновья появились, всем «миром Зиновьевским» собра-

лись-навалились, и в трудные 90-е обменяли ее на эту самую трешку. Да, зал — проходная комната, и одна из спален ныне считалась кладовкой, потому что лишена была архитектором окон, и была настолько мала, что даже не все вещи туда умещались, какие хотелось бы убрать подальше от глаз, но для большой семьи родом из СССР это была настоящая удача.

К тому же тогда, в тяжелое для страны время, жизнь Михаила Федоровича обрела, наконец, истинный смысл, подарив ему второе дыхание. Два богатыря почти по три кило каждый.

Как Алька осилила близнецов, непонятно! Хрупкая ведь, как тростиночка, маленькая была. Так и возраст еще.

Всю голову сломала родня, пока имена придумывали карапузам. И писателей, и артистов, и вождей перебрали. Михаил Федорович больше всех мучился, а вот двоюродный брат — Семен, самый близкий друг, мучиться не стал.

— Так по прадедам нашим и назовите. Тоже близнецы же были.

Прадеды у Зиновьевых были знатные, Империю видели, две войны с революцией пережили. Один, и правда, прадедом приходился малышам.

— Артемушка и Егорушка, — Алевтина склонилась над сыновьями и улыбнулась. — А ведь, и правда.

— У нас прадеды тоже не хуже! — возмутилась родня жены.

— Да ну! — фыркнула теща. — Что за имена такие? А

судьбы-то, судьбы?

— А что судьбы? — заголосила свекровь. — Тоже близнецы и умерли своей смертью от старости. Чем плохи судьбы-то?

— Один женат раз шесть был! — возопила бабка Алевтины. — А второй в монахи ушел!

— Не шесть, а четыре, от него в роду только внуков было сорок человек! Старостою в деревне до самой смерти оставался. На войне побывал и вернулся, в революцию не пропал. Голод перенес и всем своим детям находил, что поесть, ни один не сгинул. И это тогда-то! Егор — мужик! Сила был! А брат его не хуже! Ну и пусть в монахи подался. А скольким он помог, когда партия бушевала и война была?! И вообще! Что на роду написано, то и будет. Хоть как назови!

Долго препирались. Михаил Федорович в полемику тоже хотел вступить, только одного взгляда хватило, чтобы понять — Але имена понравились. Жена сидела на кровати в уголке, тихонечко пела и гладила нежные щечки.

На том и порешили.

Егор и Артем росли вместе с отцовской гордостью за них. Красавцы получились на удивление. Все в Альку. Темноволосые, глазюки яркие серые, статные, ростом в отца. И дружили крепко. С возрастом, правда, интересы у каждого свои появлялись. Артем увлекся музыкой, стал, как принято говорить, творческой натурой. Закончил консерваторию по классу фортепиано и вокалу. Егор, у этого сначала спорт, а по-

том… юридический институт.

Может, оттого и чувствовал себя Михаил Федорович счастливым. Да, работал много, но было ради кого. И ни разу семейство его не подводило. Как бы тяжело не было, но всегда вместе. Вот только пару лет назад стало…

Ушла Аленька. Вроде бы и ограждал всю жизнь, но нет, где-то недоглядел. Сердечко не выдержало. Опустела квартира. Да, не молода уже была, но дышать бы еще, не надышаться, внуков ждать. Только жизнь, она такая. А Алевтина жизнь хорошую прожила. Любима была, и семья, и дом. Чего еще надо женщине?

Хлебнул горечи Михаил Федорович, фотографию в рамке на стол поставил из серванта, чтобы всегда жена рядом была, молодая и улыбчивая. Со смертью тяжело смириться, но можно, когда все правильно, все по природе и по закону.

Только вот уже больше месяца, как Михаил Федорович пытался принять и все никак не мог, что нет теперь и сына. И хуже того, говорят, что сам он…

Но разве возможно такое?!

Артем. Молодой, видный. С головой дружил! От девок отбоя не было. Алька все смеялась, что тут не метлой выметать, а трактором грузить. И талант вроде есть и мечты.

Как же так?!

Егор понимал, что отца вызовут в полицию, потому все сразу рассказал, скрывать не стал, так бы жалел, щадил, в этом Михаил Федорович не сомневался.

Разрывалось отцовское сердце от боли. Мало несчастья, так сначала Артема за Егора приняли. Пока с путаницей разбирались, Михаил Федорович решил уж, что обоих детей потерял. Тут впору самому в петлю лезть!

И вот на сороковой день под звон капель осеннего дождя, тоже, будто поминавшего ушедшего, сидели отец и сын на маленькой кухне, пили из крохотных прозрачных рюмок водку, ели колбасу, закусывали раскрошившимся по разделочной доске хлебом и неровно нарезанными помидорами, сок которых вместе с семенами растекся по белой тарелочке.

Больше молчали. Отец все ждал, когда сын заговорит. У них не было ни сил, ни возможности до этого самого момента рассказать друг другу, как им тяжело. Михаил Федорович понимал, его боль, как родителя, подобна вселенной, но глядя на сына, вдруг призадумался над тем, что потерял Егор. Пусть возраст и интересы чуть развели братьев, но они все равно были близки друг другу настолько, насколько это возможно для взрослых мужчин, пытающихся состояться в этой жизни.

И очень боялся отец, что любовь Егора к брату утонет в ненависти за Артемов поступок. Что уж врать, он и за себя боялся в этом отношении. Может, будь Аленька жива, примирила бы она со случившимся двух мужчин своей нежностью и теплом…

Нет!

Хорошо, что нет ее, хорошо, что не видит она, что про-

изошло. В такие моменты Михаил Федорович очень радовался мысли, что не верит в жизнь после смерти, и жена с небес не видит того, что произошло. Какой может быть рай с такими переживаниями? И желая спасти собственную душу и душу сына, он поощрял попытки последнего найти доказательства тому, что это был вовсе не добровольный прыжок, а принуждение. Хотя все и всё говорило об обратном. Даже следователь — чужой человек вроде, но к пожилому мужчине с пониманием отнесся, сказал, что это страшно, но такое в жизни бывает.

Холодильник в полной тиши завел моторчик посильнее, загудел, нагнетая холод, вместе с этим заунывным звуком заговорил и Егор, которого, наконец, прорвало.

— Не понимаю! — сын потер пальцами лоб, жмурясь, точно от боли.

Из братьев он был самым приближенным, по мнению отца, к реальности. Он хорошо закончил институт, имел весьма перспективное место работы, даже по слухам с девушкой встречался с какими-то непростыми родителями.

— Может, он… — Михаил Федорович запнулся, — как это сейчас говорится… Принимал что-то?

Лицо сына окаменело.

— Нет. Вскрытие бы показало. Да и он не дурак.

Михаил Федорович выдохнул.

— Тогда может… Чем-то болел?

— Тоже нет. Я подумал об этом. Здоров. И никаких при-

знаков насильственной смерти. Я сам лично с патологоанатомом говорил. Ничего. Никаких повреждений, даже старых, ну кроме, как во время… — Егор запнулся, быстро наполнил себе и отцу рюмки почти до краев. — Он играл в группе музыкальной, я с их продюсером говорил, там все в шоке, у них контракты, гастроли. Все только на лад пошло в последнее время. У брата деньги завелись снимать квартиру в центре. Что в его жизни, черт дери, пошло не так?!

За покойных не чокаясь.

— Не знаю, сын. Он ведь тоже урывками да набегами, — Михаил Федорович утер усы рукавом вельветовой рубашки. — Аля все говорила, пацаны — счастье, а девочки к семье ближе бы были. Все дети разные, конечно. Но только вы с Темкой плохого не рассказываете, только хорошее. Все понятно, взрослые уже, всё сами, но иногда и поделиться стоит, может и не дошло бы до такого.

Михаил Федорович грустно улыбнулся.

— Ты бы уже женился что ли. Ну, или хоть показал бы уже ее? — мужчина засопел и отвернулся к окну. — Хоть внуков успеть увидеть.

Егор молчал.

Конечно, не время сейчас о таком говорить. А когда время будет? Артем вряд ли думал, что так все обернется…

Еле сдержался Михаил Федорович от слез. Может, когда уйдет сын, и на экране телевизора замелькают картинки, где у кого-то все хорошо, он, сидя в уголке на диване, даст себе

волю, но больше в том будет сейчас все же боли и обиды.

— Что делать будем, пап?

— А что делать остается… Жить только… Смириться иногда тяжелее всего, но иного выхода нет.

***

— Добрый день, меня зовут Виктория, — я ещё раз встряхнула капюшон куртки от капель и посмотрела на девушку, непонимающе нахмурившую брови.

Однако размышления ее длились недолго, и вскоре лицо озарилось осознанием того, кто перед ней.

— А я думала, приедет Виктор. Не расслышала по телефону. Проходите, — она отступила в прихожую и я, вытерев о приквартирный коврик чумазые, благодаря местной «безасфальтщине», кроссовки вошла следом.

— Давайте куртку, — девушка протянула руку и кивнула на вешалку. — Погода совсем осенняя. Можно было ноут привести к вам, но мне жутко не хотелось мокнуть.

Я улыбнулась в ответ. Ее «не хотелось» — мои дополнительные пятьсот сверху.

Ипотеку можно и с официальной зарплаты платить, но есть тоже хочется, и одеваться, и в кино или театр иногда ходить. А ещё хочется на новогодние праздники к Ваське съездить (часть зарплаты я решила загодя начать откладывать, и она так и оседала на счете)

Брат был подозрительно весел и настойчиво требовал мой загранпаспорт. А если уж Васька чего хотел, ему было труд-

но отказать (точнее, невозможно). Я, конечно, намекнула, что шиковать тому, кто только переехал и работает без году неделю, как-то не очень правильно. Но это заболевание всех, вырвавшихся из-под родительской опеки и получивших свои первые заработанные деньги. Да и к тому же… Москва…

Последний раз у меня с братом вообще вышел забавный разговор.

— Это чего у нее? Пирсинг на сосках!

Фотка в мокрой майке на пляже, которую выложила в сеть нынешняя девушка моего брателлы, впечатляла.

Васька весь аж вспыхнул. Троллить его никто не запрещал (особенно на достаточном от него расстоянии), и отказать себе в удовольствии я не смогла. Ханжой, кстати, не являюсь. Татушку тоже хотела сделать (иголок, правда, боюсь жутко), но лень и жадность победили.

Просечь, что наш Умка спустя почти полтора месяца обитания в столице уже не одинок, было бы не под силу только слепому, ведь если сам Васька так делать бы не стал, то вот Милана ака Кимико заполонила страничку брата в соцсетях ссылками на тьму всякой ерунды и, конечно же, их совместными фотками (недолго музыка играла, в смысле недолго мужик по Юле тосковал). Собственно, как и предполагалось…

Сама же Милана значилась на своей страничке, как коренная москвичка, геймерша и косплейщица. И мне подумалось бы, что наш продуман просто решил разнообразить жизнь,

он-то обычно девушек серьезных предпочитал, но на одной из фоток, которые были выложены на ее страничке, эта самая Милана в черном костюме на каблучках с аккуратной высокой прической читала доклад на каком-то международном студенческом форуме, судя по теме, что-то из разряда финансов и маркетинга. Васька такой Васька. Бабушка все над ним смеется да приговаривает:

«Кот Василий, умный да красивый»

Ну, не знаю, как насчет красивый, но умный точно!

Васька возмущённо пропыхтел (больше для приличия), что такта во мне ноль и даже в минусе.

— Паспорт! Никита скоро поедет в Москву, с ним передай.

— Зачем?

Мне вспомнилась красная книжица девственно чистая, потому что я никуда не выезжала. В принципе на Турцию (или Египет) я бы наскребла (с кредитом на пару), но смысла в этом не видела. Ибо пляжи ненавижу. Жару не жалую. А на Пирамиды могу и так полюбоваться, с картинок. Тем более, все, что хотела о них узнать, я и так уже прочитала.

— Не скажу.

— А я не пришлю.

— А я маму попрошу, у нее ключи есть от твоей берлоги.

— Мама в моих вещах рыться не будет. Она не ты.

— Ей-то я скажу зачем.

— Какашка ты, братец!

— Я, между прочим, тебе сюрприз хочу сделать, а ты обзываешься, — надулась наша семейная гордость.

— Маме с папой лучше сделай. Они тебя двадцать четыре года терпят. А мама и того больше.

— Им тоже сделаю. Но им я хочу все по первому разряду. А ты… — хмыкнул брат. — Пойдет тебе и так.

Туше!

— И доверенность сделай на получение визы.

— Я поняла, ты решил продать меня на органы и с выручки замутить собственный бизнес.

— Рассмотрю твое предложение, если ты будешь упираться.

— У тебя девушка есть. С ней и езжай.

— Сегодня есть, завтра нет, послезавтра есть, но уже другая. А сестра одна и на всю жизнь.

— Какая высокоинтеллектуальная мысль. Надо записать.

— А то! Я старался! И ты, это, подумай насчет Москвы…

И я подумала-подумала и решила, что раз уж хочу взять ипотеку, надо перед смертью надышаться, и стала копить денежку с таких вот подработок, которые мне подгонял Паша. Мой второй друг. Владелец небольшой фирмы по ремонту компов и прочего оборудования.

Иногда, особенно в осенне-предновогодний период, компы имели тенденцию ломаться чаще, потому что все сидели дома и косячили. Рук у Пашки не хватало, и, собственно, в моем лице улыбнулась ему удача. Хозяину отходил процент,

причем не учтенный нигде. А я могла подработать в выходные.

— Меня Ира зовут. Проходите.

Комната, где находился «пациент», разительно отличалась от всей пройденной мною до этого квартиры. Хорошие обои, паркетная доска, большая кровать, заваленная подушками, тяжелые красивые шторы. Тонкий телевизор на стене. Видимо, любимица семейная, раз отдали зал, так еще и так вложились в обстановку. Девушка, вызвавшая мастера (в моем лице) видимо была студенткой. Возраст и стопка книг по… Криптовалюте и банковскому делу. Ничего себе темы для обучения нынче. Хотя крипта за этот неполный год показала волшебные темпы роста и видится многим, как новая мировая валюта. Эх, предложить чтоль Пашке идею про «майнинг»? Представляю, куда он меня пошлет.

— Вот, — палец нацелился на виновника того, что девушка, видимо, не могла выйти в интернет и посидеть в соцсетях. — Греется жуть как.

Ноут, стоявший на угловом компьютерном столе, кстати, тоже оказался неплохим, «крепкий середнячок» по ценам.

— И зависает, — продолжила я. — А может и отключиться.

Девушка закивала.

Я порылась в сумке и выудила наборчик — отвертка со сменными наконечниками.

— Он давно у вас? Его чистил кто-нибудь когда-нибудь?

Ира удивленно похлопала длинными ресницами.

— Года полтора. Клавиатуру протираю и экран.

— Я про внутренности. Он пылится, как и любая другая вещь.

Винтики, крепившие заднюю панель ноутбука к корпусу, рядком выстроились на столе. Ух! Просто цех по валянию шерсти… Удивительно, компьютеру то не так много лет.

— Вау! — Ирина всплеснула руками.

— Пылесос у вас есть?

— Да! Сейчас, — девушка метнулась в коридор и чем-то там загремела.

Провод зарядки завалился за стол, и пришлось лезть, чтобы его достать. Изрядно приложившись затылком о выдвижную полочку для клавиатуры, бесполезную в принципе, я чертыхнулась и начала обратное движение, но на пути оказалось кресло на колесиках, которое от моего толчка отъехало назад, сбросив с себя груз в виде моей сумки, из которой, конечно же, вывалилась тьма всякой всячины.

— Блин! Что за день такой?! Извините, пожалуйста!

Ира, стоявшая в дверях с пылесосом, кивнула:

— Я помогу!

И тоже опустилась на колени.

Мда, Виктория Алексеевна, мама, если бы увидела эту свалку в сумке — шею бы намылила капитально, очень уж она у меня любит порядок. Я его тоже люблю, местами… Сумка — это не то место…

Кресло укатилось к комоду у окна. Я поднялась с колен и схватила его за подлокотник, чтобы вернуть на положенное место, и нос к носу столкнулась с…

Дайте-ка подумать с кем!

С… Егором Михайловичем!

Точнее с его фотографией. На комоде в золоченной рамке стояла большая (двадцать на тридцать) фотография Ирины и того, кто внес такой сумбур в мою жизнь. Точнее даже не он, началось-то все с его брата.

Хотя, кто его знает, может это Артем…

Фотка явно не новая. И склеенная. Когда-то порванная в порыве чувств самой хозяйкой или кем-то, кто не готов делить девушку с Адонисом. Судя по виду Ирины, она тут еще старшеклассница. Красавчик с кривой ухмылочкой и короткой стрижкой и девушка с распущенными волосами в летнем платье стояли возле парапета, а за их спинами раскинулся наш немаленький город с золотыми маковками церквей, широкой лентой Волги, мостом, ее пресекавшим и бескрайними далями. Такой вид открывается только с обзорной площадки в Парке Победы, над которой распростерли свои крылья двенадцать журавлей, держащих курс на запад. Большой мемориальный комплекс был любимым местом крупных городских праздников и прогулок горожан.

Егор (а мне кажется, что это был все-таки он) в белой майке, голубых джинсах на фоне голубого же, залитого солнцем неба и синей огромной реки, разумеется, смотрелся очень

фотогенично, Ира же льнула к нему и немного смущалась. Хотя выглядела она тоже очень красиво. Высокая, с отличной фигурой, длинными темными волосами до ягодиц.

Скотч, конечно, сильно портил изображение, но рассмотреть фото позволял.

Я сделала вид, что подбираю последнюю мелочь (хотя на самом деле, это была нитка на ковре) и вернулась к столу.

— У вас кулер забился. Сейчас все поправим, и будет как новенький.

Все-то время, пока я разбиралась с компом, вычистив его изнутри, меня не отпускало дурацкое чувство, что Егор Михайлович с фотографии просверлит мне дырку в затылке.

А все из-за того, что мне вспомнилось спустя пару недель после его прихода. Да и как вспомнилось… Не особо хотелось такое вспоминать, но мозг же не спрашивает.

Я знаю, что падал Артем практически беззвучно. Не кричал, не звал на помощь. Но вот только не отпускала меня мысль последнее время, что за мгновение до… сверху слышались глухие удары, будто по крыше прыгал кто-то. Я уверяла себя, что это Артем, когда перелезал, наступил на откос, или когда несся к земле, задевал карнизы балконов. Или, может быть, это я, начавшая спускаться вниз по лестнице, ступени которой устилал коврик, крепившийся на углах металлической планкой.

Слишком много времени прошло. И слишком сильно меня потрясло произошедшее. А это дает волю воображению.

Я даже проверила, у дома, где жил Артем, и находился клуб, действительно покатая жестяная крыша. Но прыгать по ней и уж тем более бегать, было бы проблематично, если ты не человек — паук. Да и как до нее допрыгнуть с балкона?

К тому же я не знала, что нашли на месте происшествия полицейские. А Егор, когда приходил, и словом ни о чем таком не обмолвился, хотя времени прошло немного. Но и позже мне никто не звонил. Повесток не приходило. А значит…

А значит, это все бред!

Я подумывала позвонить Егору и рассказать… Но встречаться с ним не хотелось. Случившееся чуть сбило с него спесь, но в нем чувствовались и самодовольство, и нарциссизм, и фото за моей спиной сие доказывало наглядно, оно кричало, какое великое он сделал одолжение Ирине, сфотографировавшись с ней. И мне совсем не хотелось, чтобы он решил, что я — еще одна возжелавшая его дамочка, готовая придумать все, что угодно, ради встречи. Особенно такое.

Вот и мучилась Виктория Алексеевна, пока не посетило ее озарение, что никто не мешает ей поговорить со следователем. Мой бессовестный мозг в эту идею вцепился, как бульдог.

А вот интересно… Ирина сфотографировалась с Егором, значит, она знает его, значит, есть вероятность, что она в курсе, нашли ли что-то указывающее на то, что самоубийство Артема таковым не являлось. Но спрашивать об этом вот так, с бухты-барахты, было как-то очень.

В общем, я решила, что следователь из всех наименьшее зло. Иру я, конечно же, не спрашивала о братьях Зиновьевых.

***

— Подскажите, пожалуйста, а Силиванов А. Д. здесь? — я на всякий случай сверилась с фоткой, которую сделала с копии протокола из бумаг Егора Михайловича. — Можно к нему попасть?

Дежурный поднял на меня глаза.

— Паспорт давайте.

Я протянула книжечку с гербом в крохотное окошко. Быстро переписав данные в толстую тетрадь, мужчина вернул документ и кивнул в сторону лестницы.

— Третий этаж, двадцатый кабинет.

— Спасибо.

Здание полиции было древним и убогим, убогость, правда, пытались скрыть за уже обшарпанным сайдингом. Ступени были сбиты тысячами ног, свет в грязноватых лампах терялся. Грустно. Как и все, что связано с преступлениями.

Меня обгоняли мужчины в форме, мужчины в штатском, девушки в юбочках и при погонах. Хлопали двери, тренькали телефоны. Прямо как в сериалах. Я же шла медленно, потому что боролась с желанием забыть все, развернуться и уйти.

Того, кто мне был нужен, на месте не оказалось, кабинет был заперт.

Я уселась на стул рядом с дверью. Ноги пришлось поджать, в узком коридоре мне их запросто отдавят. Телефон прогрузил кучу закладок, и я углубилась в чтение, чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать время ожидания.

— Виктория!

Да ладно?!

Очень хотелось сделать вид, что меня зовут не как великую королеву Соединённого королевства Великобритании и Ирландии и императрицу Индии, и что я призрак в этом темноватом коридоре, и вообще, нет меня.

— Егор Михайлович!

Пришлось поднять голову и широко так улыбнуться.

— К Силиванову? — мужчина в черной куртке, темной рубашке и брюках, отчего выглядел, зараза, жуть как элегантно, кивнул в сторону запертой двери.

Соври! Соври! Соври!

— Эээ. Да.

— По делу Артема? — он внимательно посмотрел на меня.

«А чего врать-то? Если что, он и так все узнает!»

— Да.

Егор, однако, повел себя совсем иначе, нежели я ожидала — мужчина перехватил папку, с которой пришел, в другую руку и достал из кармана телефон.

— Давно его нет? — спросил он. — Сейчас всех вызывают подписать то, что не успели. Проверку готовят к закрытию.

Егор определенно выглядел лучше, чем в момент прихода ко мне. Видимо, и семья, и он уже начали потихоньку мириться с потерей. И если я сейчас ляпну то, что (скорее всего) было додумано фантазией, для них весь этот ад начнется заново.

Вот уж не думала, что придется на подобную тему размышлять.

Егору позвонили, и он, спустившись на лестничный пролет между этажами, долго с кем-то общался по работе, судя по долетавшим до меня фразам.

А у меня в мозгу сидела только одна мысль: «Как бы смыться?!»

С момента моего прихода прошло уже больше сорока минут. И то время, на которое я отпросилась у Миши, было на исходе, поэтому (если честно), облегченно выдохнув, Виктория Алексеевна встала и, царственно ступая, направилась вниз по лестнице.

Егор Михайлович стоял все там же, все еще разговаривая по телефону, но, заметив меня, он извинился и отключился.

— Не будете ждать?

— Я с работы отпросилась. Уже опаздываю! Договорюсь на другой день.

Мужчина кивнул.

— Пойдемте. Уточню, может он на вызове или в суде, тогда смысла ждать нет.

И первым пошел вниз по лестнице.

Мы почти закончили спуск, когда нас настиг удивленный полный боли крик.

— Тёма!

Егор Михайлович застыл, как вкопанный, и я по инерции, не успев затормозить, впечаталась ему в спину, и отлетев от нее, как мячик, начала заваливаться назад затылком навстречу ступенькам, благо, Егор соображал быстро, развернулся и успел перехватить мой локоть, остановив падение.

— Тёма, родной! Боже! — женщина, оттолкнув невысокого толстячка в форме, бросилась к молодому мужчине, замершему рядом со мной. Глаза ее блестели. Губы без устали шептали имя брата Егора. Оказавшись рядом, она обхватила его шею руками, которые через мгновение заскользили по его волосам, плечам, лицу, будто не веря своему счастью, будто проверяя, что он не призрак. Слезы лились, не переставая.

Это была та самая дама из ресторана, с которой ужинал Артем.

Егор попыток отстранить плачущую женщину не предпринимал и вообще напоминал истукана с острова Пасхи. Красавица спустя минуту, начав приходить в себя и смахнув слезы, распахнула глаза.

И очень зря я оказалась перед ее заплаканные очи! И совсем уж зря стояла я вплотную к Егору Михайловичу. Но и выбора у меня не было, они загородили мне проход.

Шмыгнув носом, она отступила на шаг и сжала руки в ку-

лаки.

— Кто это? Ты с ней?! — это было сказано с такой интонацией, будто Егор (а точнее, его брат, с которым она наверняка перепутала мужчину) связавшись с моей персоной, вступил в связь с недостойной плебейкой. Это было как-то весьма обидно.

Егор бросил на меня удивленный взгляд и мотнул головой в сторону дамы, будто вопрошая.

Я кивнула.

— Это женщина из ресторана, про которую я вам говорила.

Он обратился к заплаканной даме.

— Послушайте, я не знаю, кем вы приходились Артему, он погиб и…

Женщина покачала головой и, совершенно искренне и по-детски наивно глядя на Егора, прошептала:

— Ты ведь передо мной стоишь! Ты живой! Как ты можешь погибнуть?

Егор обернулся ко мне, будто прося поддержки. И я даже открыла рот. Только в этот миг глаза красавицы закатились, и она начала оседать на пол, и вот тут истукану пришлось ожить и вновь обратиться рыцарем «Крепкие руки», как впрочем, и еще паре мужчин.

Заговори, чтоб я тебя увидел. Сократ

Аня заварила огромную кружку черного чая, шлепнула туда ложку меда, ломтик лимона, кусок имбиря и щепотку специй. Пряный дух наполнил кухоньку и приятно защекотал нос.

Подруга — любительница подобных «коктейлей» и частенько экспериментировала с их составом, комбинируя анис, корицу, яблочный сок, апельсин и еще миллион ингредиентов. И надо отдать ей должное, пахло это крышесносно. Если замерзнешь и устанешь — помогает на ура, правда, в желудке на некоторое время открывается филиал ада, но зимой и поздней осенью такие «напиточки» приобретали особую ценность.

Вооружившись щипчиками, Аня устроилась на низеньком табурете и принялась наводить марафет, попивая свое вкусное варево.

— Помнишь, в одиннадцатом классе я встречалась с Самсоновым?

— Конечно! — промычала я, не отрывая взгляда от экрана телефона, по которому бегали и весьма успешно мои войска, состоящие из эльфов, гаруд и каким-то чудом затесавшихся людей, поражая армии не таких везучих игроков, ко-

торые вполне могли находиться на другом конце земного шара.

— Еще бы не помнить! Такое не забывается…

Классе в восьмом на одной из школьных дискотек я расхрабрилась настолько, что пригласила этого самого Самсонова, носившего титул местного мачо, танцевать. И он даже согласился, и даже состоялся у нас медляк. Я пребывала в полной эйфории, и только на следующий день настигло меня просветление (не как у Будды, конечно, но на тот момент вполне для меня вселенского масштаба), что он не отказал бы тому, кто делает за весь класс домашку по алгебре и геометрии и дает списывать контрольные. После этого образ его растерял волшебство и привлекательность, и парень стал тем, кому я кивала при встрече, могла перебросится парой фраз и помогала с домашкой и контрольными. Позже мы стали вместе забегать в один компьютерный клуб, и он практически влился в когорту геймеров. Только в десятом классе Сергей «расцвел» окончательно, и тогда помимо учебы и спорта у него появились дела поважнее: девчонки!

Подруга моя классом позже попала под его чары, но, помнится, ненадолго.

— А Верку Стриганкову помнишь? Она же все-таки его охомутала. Они вместе стали жить практически сразу после школы. Вместе в Мед поступили. Ее папа помог. Только смазливое личико Сережи никуда не делось. А тут институт, дамская кавалерия в полной боевой готовности. Короче,

мне Инга потом рассказывала, что Верка ему такие истерики закатывала, даже в драку лезла! Телефон его пискнет, она уже рядом, скандалы и крики такие были, что соседи ментов вызывать запарились. Сереге поначалу это льстило, она ведь тоже не серая мышь. Да, и отец у нее — местная шишка в ГИБДД. И тут такая «любофф». Только в итоге не выдержал, бежал быстрее ветра. Потом, правда, вернулся. Сейчас уютно и сытно живет. Я фотки видела на Ингиной страничке, у него такая харя, что в кадр еле влезает! Симпатичные мужики — большие проблемы!

— Причем тут красивые мужики, если она сама себе и ему мозг вынесла? И совсем не обязательно, чтобы он ей изменял. Алекса своего вспомни.

Подруга фыркнула.

— Тому вообще ничего не нужно было, кроме компьютера и гантелей. Но Сережка, он такой… Ему восторженные взгляды и томные вздохи нужны были, как воздух. Такие безгрешными не бывают.

— Тебе надо было на семейного психолога идти, а не на маркетолога, — спрятала я улыбку, отхлебнув «варева», которым щедро поделилась подруга.

— Нет! Ну, правда. Вокруг таких мужиков всегда ажиотаж. Вот и привыкают гады к ощущению, что они — пуп земли! Тот же Сережка в одиннадцатом классе был самовлюбленным засранцем.

— Но ты с ним все равно мутила… — не смогла не под-

колоть я подругу.

— Ага, целый месяц кошмара! — закатила глаза Аня. — Ни дня без самолюбования.

— А надо было тобой! — хохотнула я. — Ну, люди разные.

— Люди разные, а красивые мужики одинаковые. А ведь жизнь их обламывает так же, как и остальных! А может еще и по более…

— Самсонова вроде не обломала, — напомнила я.

— Обломала еще как! Верка, Инга рассказывала, устала быть мужу телохранителем от девиц, и сама в загул ушла, — скривилась Аня. — Выпнет, и все дела. А что он из себя представляет без внешности, от которой при таком чревоугодии мало что осталось? Ничего. Работы нормальной нет, жилья своего нет. И перспектив никаких. Вот и терпит.

— Мда, грустно. А что касается работы, Ань, ему двадцать семь! Не рановато ты на нем клеймо ставишь?

— Мужики нормальные как-то сразу себя проявляют. А уж если ему так подфартило с тестем, вообще грех не воспользоваться! А он что? Ни-че-го.

— Смотрю, обида за то, что вы разбежались по его инициативе, до сих пор не прошла, — улыбнулась я. — А вообще! У врачей все дольше вроде. Ординатура, интернатура. Может, он станет великим хирургом. В школе он вроде не тупил.

— Ну, может быть, — пожала плечами Аня, — спорить

не буду. Но вряд ли. Я вредная, да?!

Подруга усердно равняла всех под установленную Костей планку. И планка была такова, что если мужик — не Костя, то он… В общем, вы поняли.

Не получалось у нее отпустить москвича. Она сама от этого страдала, но поделать ничего не могла. Создав кучу левых аккаунтов в соцсетях, подруга частенько заглядывала на страницу супруги Константина, где фотки, на которых мальчишки висели на папе, и папа не выглядел несчастным, выкладывались с завидной регулярностью. Это Ане было необходимо, как наркотик. Хотя улучшения наблюдались. Раньше она заходила на страничку жены Кости каждый час, сейчас раз в день. Оставалось надеяться, что девушка переживет тяжелый период и не озлобится на весь мужской род. Хотя за ее не особо долгую жизнь уже было достаточно оснований, пусть из-за собственного глупого сердца, податься в мужененавистницы.

Я, разумеется, рассказала подруге о том, что встретила Егора в полиции, в красках обрисовала сцену с красавицей, которая больше походила на театральную постановку или сцену из сериала, которыми засматриваются бабушка с мамой, да и Анька не брезгует.

— А Егор этот и правда такой красивый? — сделала круглые глаза Аня.

Хороший вопрос. Практически всё в жизни субъективно (кроме законов физики), и зависит от вкусов и предпочте-

ний, среды обитания и воспитания. Кто-то млеет от внешности Джулии Робертс, а кто-то считает, что краше на местном рынке видел.

Но братья Зиновьевы были, как бы лучше выразиться, в принципе объективно красивы, то есть большинство жителей хотя бы нашего города назвали бы их таковыми.

Забавно было смотреть со стороны на то, как реагируют на Егора люди. Те же девушки в полиции, их взгляды тянулись к нему, замирали дольше положенного. Пожалуй, Верке можно посочувствовать, потому что быть Цербером для собственного мужа — это разве нормальная семейная жизнь? Хотя, представить, как можно в порыве ревности колошматить посуду и прочую утварь, мне было сложно.

Женщина, принявшая Егора за его погибшего брата, тоже глаз с него не сводила. И в этих глазах было столько удивления и радости… в первый момент (понятно, впрочем, почему). А уж чем вся эта история закончилась, я досматривать не стала. И причиной тому вовсе не правильное воспитание, а необходимость исполнять свои трудовые обязанности.

А уж пока я ехала до работы, успела сменить цвет лица с бледного на пунцовый раз сто. Меня сильно коробило от мысли, что женщина Артема наверняка поинтересуется у Егора, кто я, и когда узнает, что Виктория Алексеевна — просто свидетель, посторонний человек… Просто никто. Что подумает? Что я сталкер господ Зиновьевых? Хотя о чем это я? Вряд ли она меня запомнила в ресторане.

И почему для меня это так важно?

«Тьфу, пропасть» — глаголила мартышка из басни Крылова.

Черт меня дернул поехать в ментовку!

Будучи не в себе, я косячила весь оставшийся рабочий день, да так, что Миша и Антон на меня «навопили», я не обиделась на двух подрагивающих от злости мужиков, пообещав все исправить.

А на вопрос подруги, красив ли Егор, я лишь пожала плечами. Зеркало однобоко, оно характер не отражает, а в нем у господина Зиновьева основная загвоздка. Для меня же его характер теперь неотделим от облика. Хотя надо отдать Егору Михайловичу должное, из трех наших встреч, две последние он был паинькой.

***

Пятница выдалась спокойной.

Аня собиралась на мюзикл по роману Булгакова, «заглянувший» к нам из Питера, хотя, судя по отзывам, от романа там не так много и осталось, ибо влюбленный в Маргариту Воланд — это ни разу не канон! Посему я не стала тратить огромные деньги на то, что полностью противоречит моему взгляду на великое произведение. И на образ Великой силы! И решила остаться дома.

Продукты у меня закончились, но в жуткую погоду в магазин (хоть он и через дорогу) было лень тащиться. И я решила, что ограблю Аню, с ее согласия, разумеется.

Подруга уехала, а я расположилась на диване в своей комнате с бокальчиком красного сухого и подтаявшим мороженым, наслаждаясь наступившими выходными, совершенно не расположенная к приему гостей. Но они после ухода подруги как с цепи сорвались.

Первой прибежала Яся. Она снимала квартирку рядом с нами, вместе со своим гражданским мужем. Ей было около тридцати, в комплекте имелся веселый нрав, очень громкий голос и постоянно бронзовая от загара кожа. Солярий ею посещался с такой же регулярностью, что и туалет. Муж пытался с этим бороться, втолковывал ей, что это опасно. Но не помогало.

Мы сдружились с парой на почве противостояния соседке напротив. Бабульке категорически не нравились арендаторы, и она всячески пакостила, вплоть до вызова полиции первое время. Мужу Яси досталось больше всех. Ибо он, по воплям соседки, идентифицировался стражами порядка, как нерадивый домушник. После второго приезда менты просекли бабушкин умысел, и больше на звонки соседки из десятой квартиры не реагировали в принципе. Так что, если вдруг кто-то и правда решит ее обидеть, помощь придет только от тех, кого она так яростно проклинала, и возможно от пожарных…

В квартире Яси, как оказалось, сломался смеситель в ванной, как всегда вовремя, ибо женщина решила подправить цвет своих платиновых кудрей.

В общем, соседка намывалась в нашей ванной и даже что-то напевала, когда в дверь позвонил очередной визитер. Им оказался мой неизменный поклонник по имени Игорь, который знал меня уже… Ой! Не соврать бы! Лет десять.

Мы с ним познакомились на дне города, я тогда только-только поступила на первый курс института.

Огромный, как шкаф, лысый от природы, с низким лбом, но доброй улыбкой, он был старше меня лет на десять, и явно не входил в стандартный набор девичьих мечтаний.

К тому же он был военным, даже побывавшим в горячих точках. Нет, я ничего против военных не имею. Но, к сожалению, могу сказать точно, что подобный тип характера не для меня. У него все должно было быть правильно и по полочкам. Дослужиться до майора. Подполковника точно не дадут. Зато дадут сертификат на жилье. А чем больше семья, тем больше денег или метров. Дача (которую я терпеть не могла), баня и шашлык по выходным (иногда), ребенок (а лучше два). Есть только на кухне, спать только в кровати. В общем, я прекрасно понимала, что моя жизнь, которая игра, по словам Шекспира, никак под его «системные» требования не подходит.

Хотя он был рукастым мужиком, сам строил, чинил, готовил, стирал (и даже гладил), всячески опекал свою маму и бабушку. За ним уж точно, как за стеной.

Но сердцу ведь не прикажешь.

Потому держалась я почти всегда с ним чуть холоднова-

то, но дружелюбно. Только, как назло, именно эта тактика оказалась ошибочной. Рассудительная, спокойная девушка — его мечта. И вот уже столько лет я с той же регулярностью, что и походы Яси в солярий, слушала о том, что нам надо съехаться, и какой хорошей будет у нас жизнь. Раньше я пыталась определиться со статусом этих отношений. Ведь Игорь явно не монашествовал, ожидая моего положительного ответа (и прекрасно понимал, что я тоже не святая). В итоге я решила, что лучше назвать их дружескими, какими они и были изначально, так ни во что иное и не переродившись.

Хотя…

Грешна! Раньше подумывала (особенно, едва окончив институт и заметив, что все мои немногочисленные подруги повыскакивали замуж). Уж что-что, а хлеб и крышу над головой он бы мне обеспечил, да и отец он был бы хороший. Но после очередной лекции от Игоря-демагога, прочитанной официантке в кафе или продавщице в крохотном супермаркете у дома, я облегчённо вздыхала, радуясь, что не сделала сей опрометчивый шаг.

Хотя его упорство поражало. Особенно мою маму, которая, конечно, была бы рада такому зятю.

— Привет, водолейчик! — Игорь стряхнул мокрый от дождя капюшон.

Мне протянули маленький букетик разноцветных крохотных хризантем.

Мужчина, разумеется, в астрологию не верил, хотя считал

себя истинным львом — единственное, в чем, по его мнению, была права непризнанная наука, так это в характеристике людей, рожденных под этим знаком.

— Проходи, — я полезла за «гостевыми» тапочками гигантских размеров.

— Соседка дома? — кивнул мужчина в сторону ванной.

— Не та, о которой ты думаешь, — улыбнулась я. — Яся из соседней квартиры, у них с краном проблемы.

— А!

Игорь был не особо лестного мнения об Ане, почему-то решив, что именно из-за нее я не даю ему положительного ответа. С чего он это взял, непонятно, но понятно было одно — сложись у нас семья — компьютер, друзей (и родных) выдавали бы мне под роспись по часам, как в тюрьме — короткими свиданками. Я уж молчу про Ваню с Пашей, они бы точно перестали существовать.

Смешно, мне даже Васька предложил как-то с Игорем побеседовать на тему того, что с его сестрой тому ничего не светит. Я бы, конечно, на такое согласие не дала никогда, но хотела бы поприсутствовать при подобной сходке двух демагогов, заранее вырыв окоп и надев каску.

Мужчина повесил куртку на крючок и вдел ноги в цветастые тапки. Он был в форме, приехал прямо со службы. Военная часть его располагалась в области, и ему приходилось практически ежедневно кататься почти за сто километров туда и обратно, времени дорога занимала прилично, но

жить в общаге при штабе он не хотел.

— Чай будешь?

— А то! Такая непогодь, что хочется в теплую кроватку, и водолейчика под бок.

У нас уже не раз имел место разговор о том, что будущего совместного (за исключением дружбы) у нас нет. Я пыталась донести это тактично (а порой и не очень). Но ничего не помогало. Он звонил через неделю, как ни в чем не бывало. В итоге я просто забила на эти попытки, надеясь, что он сам успокоится.

— Чем так вкусно пахнет? — принюхался «львенок» к кастрюльке на плите.

— Чай Анин с имбирем. Могу пельмени сварить?

— Нет, спасибо, я в столовой поел, — он сделал внушительный глоток напитка «от Ани» из налитой мною и протянутой ему кружки и удовлетворенно крякнул. — Как жизнь?

— Более-менее, — ушла я от ответа. Игорь про мои злоключения не знал. И рассказывать ему об этом не хотелось.

А самый простой способ не рассказывать о себе — спросить о его житье-бытье. Вот тут мужчина раскрывается и начинает вещать аки римский оратор. Так что я, попивая чай, слушала про призывников, про приказы сверху, про побег одного из военнослужащих из соседней части с оружием и необходимости в связи с этим поселиться на работе, о расчете отпускных дней, об огромном стакане водки, который был легко опрокинут за друга, получившего должность и жилье

в Подмосковье.

Яся заглянула на кухню с тюрбаном на голове и, благодарно кивнув, убежала к себе, оставив шлейф цветочного запаха.

Вторая чашка чая перекочевала в руки гостя, когда в нашу старую дверь, еще дерматином обитую, забарабанили с такой силой, будто собрались ее вынести. Я удивленно похлопала глазами, но поспешила открыть, Игорь последовал за мной.

За дверью оказался наш сосед, щуплый мужичок, занимавший двушку на полуподвальном этаже прямо под нами. Ему было за шестьдесят, но всем казалось, что за восемьдесят, чему, похоже, способствовало постоянное употребление горячительной смеси.

— Ты чего за водой не следишь! — завопил мужчина, возмущенно потрясая сухоньким кулачком. — Топишь же меня!

— Не может быть… — начала было я.

Но старикашка взял пару верхних нот, оглушив весь этаж.

— Беги, смотри!

Я, протиснувшись между стеной и Игорем, понеслась в ванную, изрядно струхнув. Оплачивать ремонт соседу и нашей квартирной хозяйке совсем не хотелось из-за Яси, которая могла не закрыть кран.

Свет озарил маленькую комнату с небольшой ванной, стиралкой, парой тазиков и двух наших с Аней полочек для всякой необходимой всячины. Суше место было придумать

сложно. Я на всякий случай заглянула и в туалет, там было ровно тоже самое.

— Да все у нас в порядке! Идите, смотрите!

Едва Игорь посторонился, сосед рванул в ванную, с готовой сорваться с языка обличительной речью.

— Как же так?! Неужели трубы?! Звоните быстрее в аварийку! — завопил он и бросился в общий коридор.

— Только этого не хватало! — я быстренько натянула кроссовки.

— Иди, я позвоню! — Игорь достал телефон и вернулся в ванную, встав на колени, заглянул под старое чугунное корыто на высоких ножках.

Я тоже подхватила свой телефон и полезла в список контактов.

— Марина Ивановна, добрый вечер! Извините, что так поздно, у нас тут ЧП! Да, прибежал сосед снизу, говорит, мы его затопили. Нет, еще не видела! Но у нас все сухо. Похоже, трубы в стенах или в полу. Да, аварийку вызвали. Да, хорошо.

В квартире мужчины действительно все плавало. Вода медленно покоряла пол жилых комнат, будто лава, неся, к сожалению, не меньшие разрушения, заливая дыры в линолеуме и заползая за плинтуса.

Я подхватила обогреватель, стоявший на полу у стены, алеющий накалившимися трубками, и выдернула вилку из розетки, поставив прибор на стол.

Вся остальная техника, которая представляла собой телевизор еще ламповый, вроде бы была достаточно высоко.

У мужчины оказалось чистенько, все на местах. Даже какой-то уют мужской прослеживался. Мне вдруг стало стыдно. И почему мы все решили, что он алкаш? Одет мельтешащий между ванной и кухней с ковшами и тряпками мужчина был вполне себе чистенько. Его жилище не наполнял жуткий запах перегара, который с годами уже даже не выветривается. На стенах старенькие обои в цветочек, репродукции картин. Даже алоэ на окне живое и вполне себе довольное жизнью. Определенно из-за лица всегда желтоватого и усталого мы были так единодушны в своей оценке. Так может Петр Петрович болеет?

Я даже вспомнила его имя!

С потолка в ванной лился настоящий водопад. Похоже, старые трубы, которые по логике должны были меняться или хоть как-то обслуживаться управляющей компанией (которой никто в глаза не видел, зато квитанции от которой приходили с точностью атомных часов и возрастающей в геометрической прогрессии суммой) все-таки сдались на милость победителей — времени и коррозии.

Я подхватила тазик и подставила его под ледяную струю, по мере наполнения сливая воду в ванную. Петр Петрович благодарно кивнул, он орудовал ковшиком, вычерпывая воду с пола. Благо высокий порог ванной комнаты задержал изрядное ее количество.

Прошло где-то минут десять, прежде чем напор спал, а потом вовсе иссяк, стекая тонким ручейком по крашеным стенам, обнажив огромную дыру, ведущую в неизвестность. Наконец-то, перекрыли домовой стояк!

Еще минут через двадцать приехали добрые молодцы из аварийной службы.

Кроссовки распухли от воды, и ноги сводило от холода.

Топала я домой громко, оставляя за собой мокрые следы, как в фильмах ужасов, пребывая в полной уверенности, что точно заболею.

В нашей квартире под ванной ползал мужчина в спецовке с фонариком.

Игорь стоял в дверях и давал ценные указания.

Я решила сначала переобуться, а потом уже выслушать вердикт. Достав старые балетки с верхней полки шкафа, запрыгала на одной ноге, пытаясь стащить мокрую обувь, которая будто приросла к босым ногам. Делать это стоя, было весьма неудобно, и я уселась прямо на пол. И в самом разгаре процесса «отдирания» мокрой обуви от правой ноги, взгляд мой наткнулся на ботинки на пороге распахнутой входной двери, определенно мужские, судя по размеру.

— Егор… Ми-Михайлович!

Мне подали руку и помогли подняться. Ладони у него были теплые, а по сравнению с моими, купавшимися в ледяной воде, так просто огонь.

— Сказал бы «добрый вечер», но, похоже, не такой он у

вас и добрый, — заметил Егор, окидывая взглядом бардак в коридоре, который я неумышленно устроила.

— Что есть, то есть.

— Затопили соседей снизу? — кивнул мужчина в сторону Игоря и сантехника, которые, все еще переругиваясь, стояли на пороге ванной в конце коридора и тыкали пальцами в то место, где должен быть стояк.

— Не совсем. Похоже, трубы в полу приказали долго жить. Но вы правы, у соседа снизу потоп.

Я, наконец-то, вдела ногу в балетку и отступила на шаг. Сердце чуть сбилось с ритма. Вот вроде ничего особенного: джинсы, свитер, пальто. Волосы взъерошены, но как-то правильно и гармонично. Бывают же такие люди! У него наверняка и джинсы сзади чистые, в отличие от меня, которой умудрялась так изгваздаться, что стиралка в осенне-зимнюю пору становилась моим лучшим другом.

Стало неудобно, я в мокрых по колено старых джинсах, вытянутой теплой кофте и фактически босиком.

— Приветствую! — послышалось за моей спиной.

Игорь, заметив нового гостя, решил выяснить, кто еще почтил нас своим присутствием.

— Добрый вечер! — вежливо поздоровался господин Зиновьев.

Повисло неловкое молчание.

— Вы сосед? — поинтересовался Игорь.

— Нет, — не дала я ответить Егору. — Это знакомый. Он

по… личному делу.

Словосочетание «личное дело» прямолинейным Игорем было воспринято неправильно, а я, черт дери, не сообразила подобрать определения.

С этого момента общение стоявшего на пороге Егора и принявшего боевую стойку Игоря напоминало разговор дворянина с озлобленными крестьянами. То есть, первый как бы в непонятках, за что на его прекрасную персону так грозно смотрят и вилы потихоньку точат, а вторые просто не умеют (или скорее не могут в данный момент) высказать своего негодования.

Игорь, не спуская глаз с Егора, сообщил.

— Сантехник сказал, что у вас все нормально. Прорвало трубу в полу, ее, похоже, со времен царя не меняли.

— Какого? Их много было, — пошутила я. Но никто не оценил. Ох, юмор — это не мое! — То есть к нам никаких претензий не будет?

— Чтобы их точно не было, когда начнут составлять акт о затоплении квартиры, пусть комиссия и вашу ванную осмотрит. И зафиксирует, что следов протека и несанкционированного вмешательства в домовой стояк нет. И выписку о выезде аварийной службы возьмите. В таких случаях лучше перестраховываться, чтобы потом на деньги не попасть, — заметил Егор.

— Спасибо, — я благодарно кивнула.

— Да, спасибо, — кивнул и Игорь. — Ну, я думаю, мы и

так разберемся со всем, правда, водолейчик?!

Егор, похоже, понял, что ему тут не особо рады, и решил перейти от вежливости к делу.

— Виктория, уделите мне минутку?

Я кивнула. А Игорь демонстративно сложил руки на груди и остался в коридоре. Егор окинул мужчину уже чуть презрительным взглядом.

— Зачем вы приезжали к следователю?

Я отвела глаза.

— Он ведь вас не вызывал, — не дал мне повода увильнуть Егор.

Мужчина буравил меня взглядом, и в нем дружелюбия было уже ни на грош.

— Я хотела поинтересоваться, осматривал ли кто-нибудь крышу, — созналась я. — Потому что мне стало казаться, что, когда Артем… — я запнулась, — в общем, что по крыше кто-то убегал. Звук был очень похож. Хотя я могу ошибаться. Пятый этаж все же. И вообще эта идея бредовая процентов на девяносто девять.

Егор глубоко вздохнул, пристально меня изучая.

— Технический этаж тоже осматривали. Там следов не было. Да и не добраться до крыши с балкона — свес выступает далеко за стену, — он криво усмехнулся. — Но, знаете, позвоните мне завтра. У вас есть мой номер?

— Вы в прошлый раз оставили визитку, — напомнила я.

— Да, точно, — он задумчиво потер костяшки пальцев на

руке. — Тогда до завтра.

— Что еще за хлыщ?! — скорчил презрительную гримасу Игорь, едва спина Егора скрылась во мраке общего коридора, совершенно не смущаясь того, что уходящий его слышит.

— Я была свидетелем по делу, в разрешении которого он заинтересован.

Игорь уже открыл было рот, чтобы отпустить какую-нибудь колкость, но благоразумно промолчал. Он ждал от меня пояснений, но не дождался.

Аварийка уехала. Вода нам в ближайшее время не светит. С утра предстоит разбирательство. А я была все еще под впечатлением от того, что на мгновение заметила в глазах Егора смесь недоверия и какого-то… надежды. Хотя я не сильна в чужих эмоциях, может это был страх!

— Ты устала. Выпей-ка какого-нибудь «флю» и в койку. Я тебе завтра позвоню. Расскажешь, что за тип.

Отдав сие распоряжение, Игорь тоже уехал. Звонить и рассказывать ему о Егоре я не собиралась. Может, даже трубку брать не буду, если… когда он будет звонить, потому что ничего никому не хочу объяснять. А Егору Михайловичу надо прямо сказать, что я не берусь отвечать за возможные причуды своего мозга.

Блин, похоже, опять заболеваю!

Мне надо сделать так, чтобы его больше не видеть. Как и с его братом, рядом с ним меня охватывало странное желание, какого я не испытывала прежде. Будто кто-то щекотал

под ребрами, и дрожь расползалась по всему телу. И живот сводит. Причем, суть этого желания я определить не могла. Собственничество какое-то…

***

Хозяйка сидела в столовой, убранной бежевым камнем, деревом и бронзой. Огромный дубовый стол, за которым с ноутом устроилась Нина Павловна, был рассчитан на большую семью с оравой детей, родственников, в общем, всех тех, кого с удовольствием будет почивать изысканными блюдами хозяйка, и радушно принимать хозяин.

Но жизнь Нины складывалась пока так, что никого кроме нее и Леры, еще реже матери и сестры молодой женщины за этим столом не сидело.

Когда она выходила замуж за перспективного бизнесмена, решила пожертвовать возможностью забеременеть ради удобства мужа, переживая вместе с ним стрессы, взлеты и падения. Она стала хранительницей его покоя, домашнего очага. Его музой в каком-то смысле.

Виктор карабкался все выше, а она помогала, доводя все, что его окружает, до совершенства. К тому же для статусной женщины требовалась статусная внешность. Нина была не обделена природой, но общество, в котором крутился муж, требовало блеска и изысканности, стиля, отступление от которого осуждалось, что порой крайне негативно сказывалось на женщине.

И не только в этом было дело. Нина видела, каково жи-

вется женам с «такими» мужьями, не всем конечно, но все же. Женщины, отдавшие лучшие годы карьере мужа, очень легко становились бывшими, стоило лишь чуть отступить, оступиться, отпустить. Всегда может появиться моложе, наглее, алчнее. А мужчины слабы. Им стыдно сказать, что его жене уже под сорок, и он с ней спит, но не стыдно кричать о том, что двадцатилетняя с ним, закрывая глаза на то, что причина тому деньги.

В итоге, это превратилось в манию, паранойю, гонку за красотой и стилем, отчего жизнь Нины превратилась в ад. Она не считала себя сильной женщиной, способной выдержать гнет мира, где большинство меняло партнеров легче, чем расставалось с любимыми трусами. Правда, Лера считала, что хозяйка неправа, ведь поводов усомниться в своей верности Виктор не давал. Либо отлично скрывал.

Хотя с другой стороны, отпустил же, скандалов не устраивал…

Развод громким не был. Бизнесмен постарался не обидеть бывшую жену.

Нина получила свидетельство о разводе, приличную долю имущества и из Москвы уехала на родину, пытаясь найти себе хоть какое-то применение, и как оказалось, оно у нее было. Просто она жила в каком-то сне, вечной гонке за тем, чтобы соответствовать ожиданием Виктора Войцеховского и его окружения, а не собственным. Начавшая это дело еще семь лет назад, она только в период развода осознала, что

ее руки и голова тоже способны творить чудеса, и эти чудеса ей самой нравились. Чистая благотворительность — это не о Войцеховской. Ее жизнь научила тому, что за блага мира надо усердно работать, халявные деньги еще никому не помогали. И центром ее жизни стал фонд помощи молодым музыкантам.

Хозяйка сама закончила местную консерваторию.

Так она и познакомилась с Артемом.

Он стал ее манией. Новым объектом для совершенствования. Она бы проводила с ним все время, но молодой мужчина умудрялся держать ее на расстоянии, отчего еще больше распалял, и только сейчас Лера Александровна могла сказать, что действовал он мудро, ведь при этом получал массу привилегий, но выглядело это со стороны хозяйки скорее как нечто абсолютно нормальное. И наслаждения от процесса покорения Нина Павловна получала больше, чем, наверное, получила бы от результата.

В общем, когда хозяйке сообщили, что Артем покончил с собой, для нее это стало страшным ударом, таким сильным, что Лера стала беспокоиться за психику женщины и, скоренько собрав вещи, они улетели в Канаду, где проживало большинство друзей, мать с отчимом и хороший семейный психолог. Остроту он снял, но… продержалась вдали от родины Нина всего три недели, после чего заладила, что надо лететь обратно, что, мол, дела и прочее. На самом деле Лера Александровна прекрасно понимала, зачем хозяйке

надо домой.

Едва прилетев, Нина созвонилась со знакомым, у которого было достаточно связей, чтобы большинство чиновников области приняли ее с распростертыми объятиями. Один из начальников «любезно» согласился принять меценатку, и пообщаться о том, что известно полиции по факту смерти Артема.

Небо обрушилось на Нину, едва она переступила порог казенного заведения — по ступеням спускался Он. Лера, верившая только в здравый смысл и немного в астрологию, сама захотела перекреститься. Хозяйка так вообще была в обморочном состоянии.

Когда стало ясно, что при всем хотении, мужчина перед Ниной никакой не Артем, а его брат, о котором тот ни разу не обмолвился, хозяйка, и так не отличавшаяся спокойным нравом, взорвалась: слезы перешли в истерику, непонимание в жгучую обиду. Но все-таки она нашла силы взять себя в руки.

Егор был настроен на то, чтобы закрыть дело и жить дальше.

Однако хозяйка считала иначе. Нина была абсолютно уверена, что ее мальчик не мог так поступить, ведь у него ни в чем недостатка не было.

После ухода Егора, умевшая принять грозный вид богатой леди, Нина Павловна потребовала, чтобы по делу Артема Зиновьева провели тщательную проверку. С эксгумаци-

ей и прочими расходами, всеми какие потребуются. Даже с отправкой всего, что надо в Москву. Разумеется, ни о какой «гласности» речи быть не могло, и это еще больше обрадовало дородного начальника, который уже прикинул, как попилить «блажь» богатой бабенки, чей любовник сиганул с высоты в пару десятков метров, не выдержав тягот жизни.

Помощница после произошедшего стала за хозяйку беспокоиться. Егор был очень похож на брата внешне, настолько, что если бы они стояли рядом, Лера Александровна вряд ли бы их отличила. Пожалуй, психолога стоит вызвать, чтобы спасти Нину Павловну от помешательства на Зиновьевых. И чем скорее, тем лучше!

А может все обойдется?

— Что у нас с концертом? — голос Нины Павловны выдернул Леру Александровну из раздумий.

— Все согласовано. Дмитрий сказал, что зал готов, репетиции идут полным ходом.

— В этом случае нам никак нельзя ударить в грязь лицом, — пальцы хозяйки проворно забегали по клавишам ноутбука. — У Танюши настоящий талант, ее надо вывести на уровень страны. Чтобы ее услышали. Я очень надеюсь, что Тимирязев не продинамит и приедет на ее выступление.

— Он прислал подтверждение. К тому же он уважает ваше мнение и не отказывал ни разу.

— Да, только сейчас у всех трудности, кризис, санкции, даже в культуре застой. Никого яркого нет. И денег нет, что-

бы искать алмаз среди стекляшек и уж тем более его проталкивать. Да и ходят слухи, что Тимирязев болеет.

— Это плохо. Надеюсь, ничего серьезного. С ним может уйти целая эпоха. А Таня стоит того, чтобы в нее вложиться.

— Вот это нам и надо показать. Скинь мне программу ее выступления. Я подумаю, как сделать его по-настоящему ярким и захватывающим.

Лера Александровна кивнула и уже направилась к выходу, когда ее догнал голос хозяйки, и то, что компаньонка услышала, напрочь уничтожило ее надежду на спокойное будущее.

— Мне бы хотелось поближе познакомиться с Егором Зиновьевым. Пригласи его к нам на ужин.

Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

За окном голые ветви каштана взбалтывали вечерние сумерки. Дождевые капли срывались с темной коры, но летели не к земле, а, повинуясь силе ветра, куда-то в сторону, создавая иллюзию, что рвется в клочья сам серо-синий воздух.

В комнате властвовала темнота, как и в душе, и холод хорошо сочетался с этой тьмой. Батареи были ледяными, толстые шерстяные носки никак не хотели согреть ноги.

Завтра надо будет ехать домой, помогать маме. По-хорошему, вообще надо ехать сейчас. Она вряд ли сегодня уснет. Сейчас полежу еще немножечко, совсем чуть-чуть, и поеду.

Чтобы утешать кого-то, надо… хотя бы примириться со случившимся самой.

— Настю по скорой увезли. Давление за двести! Хорошо, до соседей добрела, они бригаду вызвали.

Когда мама позвонила утром, голос ее дрожал, и не было понятно, что тому виной: ямы, между которыми прятались дороги в нашем городе или волнение.

Спросонья я никак не могла сообразить, что происходит.

— Мы с папой в больницу едем. Я тебе оттуда позвоню. Можешь за ее вещами заскочить, чтобы нам обратно не мотаться? Ключи у соседки с первого этажа, бабы Мани. Она паспорта Настиного не нашла, полис-то сестра с собой носит всегда, а паспорта нет. Поищи!

— Да, конечно! — разлепила я, наконец, глаза.

Мама отключилась. А мне пришлось ожесточенно тереть ладонями лицо, чтобы хоть немного проснуться, мозг еще досматривал сны, и реальность весьма своеобразно путалась с иллюзиями.

Как ни странно, после вчерашних вынужденных купаний в ледяной воде нос не заложило, и горло не заболело. Это приободрило.

Втиснувшись в тапочки, я поплелась в ванную. Вода там, правда, лилась исключительно из купленной подругой по пути домой пятилитровой бутылки, но умыться и почистить зубы хватило.

Аня еще спала. В кухне было темно и холодно, вчера от-

рубили еще и стояки отопления, видимо, подстраховавшись.

Чайник запыхтел и радостно щелкнул кнопочкой, приглашая угоститься кипяточком. Кофе, вместо того, чтобы разбудить, вогнал в дрему, затормозив мир вокруг, даже пар над чашечкой собирался медленнее, чем положено.

На столе лежала визитка Егора, я ее вчера достала из ящика стола и бросила в вазочку, в которой обычно хранились конфеты. Белая, гладкая на ощупь, плотная бумага с цветной печатью. В уголке логотип юридической фирмы — вензеля серебром и малахитом. Под толстой черной полосой адреса и телефоны. Может, заспанный мозг играл со мной, но мне казалось, что она пахла его туалетной водой.

Руки двигались сами по себе. Экран телефона озарил кухню голубоватым светом, от него стало еще холоднее.

Страница в соцсети у Егора была. Но, что удивительно, там не красовалась его физиономия, которая сразу бы бросилась в глаза, на месте основной фотографии стояла яркая картинка «от первого лица»: вытянутые мужские ноги в кабине вертолета, а за окном… облака, окрашенные закатом в розовый цвет и кусочек земли с тонувшем в море солнцем далеко внизу.

Друзей у него оказалось не так и много (сарказм!), всего-то около восьмидесяти, да и то, большинство вроде родственники. Лента была забита их соболезнованиями.

В альбомах фотографии были, хотя крайне мало. Фото студенческих времен (похоже последний курс), где Егор в

костюме позирует на фоне стенда с портретами победителей какого-то юридического конкурса. На лице довольная улыбка, а большой палец указывает на его собственную мордашку на почетном первом месте.

Была совсем старая фотография, где два малыша в одинаковых коротких штанишках, сандаликах, маечках и панамках готовы были в любой момент сорваться со стульчиков, на которые их усадил фотограф. Под ней куча дружеских подписей. Была и одна явно профессиональная фотография, где Егор в белой рубашке курил, за его спиной кирпичная стена, разбитые стекла, черные провалы окон заводского здания. Ретушь и эффекты сделали молодого мужчину удивительно живым на фоне разрухи и еще более красивым. Этот портрет «лайкнуло» более четырехсот человек, а ведь фото даже не на главной странице, его надо специально искать. Комментариев тоже хватало. И, что удивительно, был и негатив. Кто-то со странным ником написал «Нарцисс чертов!», кто-то пожелал ему отсутствия денег и секса (в более «изысканных» выражениях). Егор комментарии не удалял. Ему было или абсолютно все равно (во что я больше верю), либо он считал, что даже плохая реклама тоже реклама.

Еще одна фотография — Егор сидит в обнимку с брюнеткой в баре, и понятное дело, что это не подруга и не знакомая, а его девушка. Забавно, но тут лайков было гораздо меньше. Размещена она, кстати, не так и давно, но не Егором, а его другом с ником «Саша Коллекционер» (у послед-

него на страничке было много дам во фривольных нарядах и машин).

Были и фотографии с братом, только старые, пяти, а то и шестилетней давности.

У Артема в руках гитара и волосы белые — белые. И лица такие светлые… Юные.

Интересно, а они были близки?

Наверное, во многом благодаря нашим схожим интересам, мы с Васькой… ну, как хорошие друзья. Брат даже доверяет мне некоторые тайны (о некоторых я и сама догадываюсь, Васька каждый раз дуется, называя женскую интуицию «читом»). Хотя в душе мне кажется, он считает меня «своим человеком», и мой пол ему не особо важен.

Кофе давно остыл, солнце, потерявшееся со вчерашнего вечера среди облаков, так и не смогло выбраться из их липких лап. Кухня тонула в осенних сумерках.

Телефон запел так неожиданно громко, что я его чуть не выронила. Звонила мама, а зная Екатерину Валерьевну, можно сказать точно, она желает знать, не телепортировалась ли я до квартиры тетки и не еду ли уже обратно.

— Да, мам, — затараторила я. — Уже собралась, выезжаю.

Только оглушили меня не мамины возмущенные восклицания, а тишина, которая треснула, как стекло от удара камнем, когда она заговорила. Почти шепотом.

— Настя умерла. Позвони Саше. Пусть приезжает.

Мама отключилась почти сразу. Она у меня с железным характером, и, как мне кажется, плакала только если в далеком детстве. Даже когда умерла бабушка (их с тетей мать) она восприняла это, как должное, как то, чего не избежать, сказав на поминках, что восемьдесят пять лет, две дочери, внуки (а у кого-то и правнуки) — достойная жизнь.

Но сейчас она всхлипнула, это для меня стало громом среди ясного неба.

Я так и сидела в ступоре, пока она, справившись с эмоциями, не позвонила снова.

— Надо одежду подобрать и договориться о похоронах. Сама поеду.

— А что случилось-то, мам?

— Инфаркт. Позвони Саше.

Я знаю, мама не просто так меня об этом попросила. Учитывая осведомленность, Екатерина Валерьевна звонить племяннице не хотела, сообщение горестной новости могло вылиться в скандал. Мама не была готова, боялась, что не сдержится, выскажет дочке сестры все, что накипело.

Только для меня такое тоже в новинку.

Господи, как врачи сообщают о подобном?! Или полицейские? Как они сказали Егору о смерти брата? Чисто механически? Без эмоций?

В часовом поясе, где жила Саша, время уже перевалило за полдень. Я названивала минут тридцать, но двоюродная сестра трубку не брала. В конце концов, я просто написа-

ла сообщение. С точки зрения человечности и родственной связи, это, наверное, неправильно, но мне это сильно облегчило жизнь, по крайней мере, в тот момент, потому что я так и не смогла представить себе, как произнести это вслух.

Проснувшаяся Аня, узнав о случившемся, предложила помощь, ее отец был знаком с директором городского кладбища.

Саша так и не ответила.

***

— Привет, водолейчик!

Бодрый голос Игоря с моим настроением никак не сочетался и даже немного раздражал.

— Не заболела?

— Привет. Нет.

— Посидим вечером где-нибудь? — воспрял духом мужчина.

— Прости. Сейчас не до этого.

— Пижон приперся? — в голосе его послышались обида.

— Какой пижон? — не поняла я.

— Вчерашний!

— Ты про Егора? Нет, конечно!

Блин, Зиновьеву позвонить надо, я совсем забыла!

— Что случилось? — голос Игоря стал озабоченным.

— Близкий родственник скончался.

— Насколько близкий? — осторожно поинтересовался лев.

— Тетка.

— Соболезную, — мужчина вздохнул. — Помощь нужна? Приехать?

— Спасибо, не надо. Справимся.

— Если что, звони! Подсоблю.

Он отключился, а я вдруг вспомнила, как Анька — любительница всякого рода мистики, затащила меня как-то на «прием» к гадалке. Та очень походила на цыганку, которая решила в какой-то момент отбиться от табора и осесть, взяв ипотеку, по крайней мере, манеры у нее были весьма схожи с пресловутым «позолоти ручку». Едва кинув на меня взгляд, провидица «узрела», что нового клиента в моем лице ей не обрести, и бросила лишь, что я отталкиваю свое счастье сама. А может так и есть?

— Егор Михайлович, добрый день. Это Виктория.

— Здравствуйте, Виктория, — голос у него был усталый, хрипловатый.

— Егор Михайлович, вчера не было возможности поговорить нормально, но я хочу сказать сразу, что про шаги не уверена абсолютно. Если мне это попросту не померещилось, то, скорее всего, этому может быть куча разумных объяснений. Если надо, конечно, я могу дать показания следователю, или как там все это называется. Но я так понимаю, что следователи наверняка рассматривали такую возможность, и раз материалах дела ничего нет о постороннем вмешательстве, то это просто… просто мой личный глюк. В конце кон-

цов, шум мог идти и из зала с компами.

Мужчина долго молчал, на заднем фоне слышался автомобильный шум и гудки.

— В одном вы правы, прошло слишком много времени, — сегодня он говорил сдержанно и по-деловому, никаких эмоций, надежд и страхов. — Я думаю, этому действительно есть вполне логичное объяснение. Я подумаю, и перезвоню вам, если решу, что в этом есть смысл.

— Хорошо.

Трубка замолчала. И мне почему-то стало совсем чуть-чуть грустно. Может потому, что не смогла ему помочь, а может потому, что никогда… Так, хватит глупостей!

Я вздохнула, положила телефон на стол и полезла за джинсами, свитером и резиновыми сапогами, которые купила еще в прошлом сезоне.

Надо ехать к маме.

***

После встречи с Егором Зиновьевым прошло чуть больше недели, но Лера Александровна в душе понимала, что вряд ли в свете событий она будет последней. Хозяйка будто забыла о своей просьбе, она больше проводила времени дома и пребывала в относительно хорошем расположении духа, отчасти благодаря тому, что окунулась в работу. В какой-то момент Лере показалось, что можно расслабиться.

Но, похоже, надежды эти были чересчур радужными — спустя несколько дней за завтраком хозяйка, опустив ложеч-

ку на край блюдца и вдруг неодобрительно глянув на Леру, достала телефон и, выбрав контакт и подождав пару секунду, поздоровалась с собеседником, чем заставила Леру Александровну едва не подавиться любимой овсянкой.

— Егор? Доброе утро. Это Нина Войцеховская. Да… Скажите, мы можем встретиться? Мне бы хотелось обсудить с вами одну деликатную проблему.

Помощница взглянула на хозяйку и поджала губы в знак «негодования», но ее не удостоили даже взглядом.

Договоренность была такая: молодой человек приедет к вечеру, сюда, в дом на берегу.

Когда Нина Павловна отложила телефон, Лера приготовилась к допросу, однако, ее самым наглым образом проигнорировали вновь. И, видимо, чтобы избежать этих самых вопросов, хозяйка, сославшись на головную боль, быстренько скрылась в своей спальне, замок на двери которой весьма многозначительно щелкнул. Там госпожа Войцеховская и провела все время до приезда Зиновьева, не забыв, однако, позвонить директору своего фонда и преподавателю Татьяны, обсудить программу фестиваля, в очередной раз выговорить ответственному за реквизит, что платье неудачное, и для Татьяны нужно именно голубое.

А уж встретила гостя она при полном, весьма продуманном параде. Такую женщину в облегающем черном платье, далеко не вычурном, но идеально подходящим случаю, с убранными в строгий пучок волосами с одной изящно «за-

бытой» прядкой, вряд ли бы проигнорировал хотя бы один мужчина, у которого все в порядке с потенцией и ориентацией.

Взгляд гостя действительно проследил за тем, как спускалась в гостиную по широкой лестнице, покачивая бедрами, Нина, но не более того. Егор умел сдерживать порывы (или хорошо их маскировать). А значит, он может быть опаснее своего брата, если вдруг решит сыграть на чувствах хозяйки. Артем был в такие минуты нежен и вспыльчив. Хотя, может у Егора просто есть любимая девушка? На это вся надежда.

Они расположились за большим столом в гостиной.

— Кофе, чай? — поинтересовалась Лера Александровна.

— Спасибо, нет, — ответил на предложение Егор, обратив взгляд к помощнице.

Лера Александровна видела Артема Зиновьева не единожды. Но почему-то именно сейчас она присмотрелась к молодому мужчине, его брату, так на него похожему.

Глаза у него были, как раскрошенное зеркало, серо-сияющие, не потерявшие при этом удивительной глубины. Внешностью мужчина чем-то напоминал молодого Брандо. Идеальные пропорции лица, изгиб бровей, чуть более полноватая нижняя губа, привносящая своей асимметрией еще больше совершенства в его образ. Черные, как смоль, волосы, чистое лицо, время еще не подарило ему морщины и седину, но ни то ни другое его не испортит. Однако иметь красивый изгиб губ и нос правильной формы недостаточно, надо уметь

эту красоту преподнести, и Лере Александровне казалось, что природа подарила большинству красивых людей именно ген «подачи» своей внешности, они сами не знают, что пользуются им, но именно в нем сокрыта их сила.

Нина Павловна любила красивые вещи: картины, скульптуру, изысканные украшения. И мальчики Зиновьевы прекрасно подходили для этой коллекции, к тому же они были живыми существами, а это удесятеряет цену. К тому же в отличие от Артема присутствовала в Егоре некоторая степень брутальности, она и делала его более земным и более, Лера сказала бы, притягательным, но Леру настолько молодые мужчины мало волновали, и она решила, что более красивым — лучшее определение.

А все-таки странно, почему Артем никогда не говорил о брате? Ревность? Боязнь соперничества?

— Рада, что вы откликнулись на мою просьбу, — нежно проворковала Нина Павловна. — Я была не в силах сразу после случившегося мыслить здраво, слишком большим потрясением для меня это стало, — она чуть вздернула подбородок, тонкие ноздри дрогнули, но хозяйка дома сдержалась. — Но теперь я хочу выяснить, что же заставило Те… Артема совершить… такое. Я попросила Владимира Васильевича, начальника отдела, поспособствовать тщательному расследованию обстоятельств. А то слишком халатно отнесся следователь к случившемуся, явно желая списать все на самоубийство. Я надеюсь, вы, Егор, и ваша семья, не будете

препятствовать.

Егор напрягся.

— Многое, если не все, указывает на то, что самоубийство пока является самым верным, — мужчина поджал губы. — Простите, что огорчу вас, но как уже говорил, я перестал видеть смысл в этом. И мне не хотелось бы, чтобы вновь допрашивали отца. Ему и так тяжело. Благодарю вас за помощь, но, к сожалению…

— Вы думаете, он сам? — вскинулась Нина, оборвав Егора на полуслове.

Она-то не остановится. Лера в этом уверена. Просто мальчик пока этого не знает.

— Я готов поверить даже в нечистую силу, но только не в то, что брат сам перекинул ногу через перила. — Егор смотрел прямо в глаза Войцеховской. — Но даже крохотных доказательств тому у меня нет. Я в последнее время мало общался с ним. И немногое знал о том, что происходит в жизни брата, горько осознавать, что я упустил момент, когда ему стало невмоготу.

Это был удар по самолюбию женщины. Значит, она что-то не додала, что-то не сделала для своего Артема?!

— Вы не правы, Егор! — воскликнула хозяйка. — Мы виделись с Артемом за неделю до случившегося. Мне, к сожалению, пришлось улететь на фестиваль в другой город. Но я могу вам точно сказать, не было даже намека на то, что он совершит подобное. У него были планы. Концерты. Студийная

запись их альбома с группой. Контракты. Да, он был немного возбужден, взволнован, устал, но я считала и считаю, что виной тому именно перемены к лучшему в его карьере. Он подавал огромные надежды, особенно в инструментальном соло.

По щекам Зиновьева заходили желваки.

— Я пойду на все, чтобы выяснить, что случилось, — почти прошептала Нина Павловна, — И надеюсь, вы мне поможете, Егор. Я даже требую этого! Но обязательно попрошу по возможности не трогать лишний раз вашего отца, — она сжала тонкие пальцы в кулачок, пытаясь справиться с волнением. — У меня к вам единственная просьба. Хочу сразу заметить, у меня нет претензий к вам или к вашей семье. И, разумеется, я не могу наставиться. Но… Я дарила Артему… вещи.

Егор замер. Как и Лера Александровна.

— Простите?

— Я подарила Теме несколько украшений. Но самое главное — это часы. Часы дорогие, но дело не в их стоимости. А в значимости, — хозяйка вздернула подбородок. — Я сама играю… Играла, — поправилась она, — и понимаю, как важны порой некоторые вещи для музыкантов. Это своеобразный амулет. Я подарила Артему наручные часы одного богом одаренного пианиста. И я хотела бы… — хозяйка сглотнула. — Они для меня память и даже нечто большое.

— Среди вещей в квартире часов не было, — произнес

Егор. — Брат их не носил, они ему всегда мешали, когда он играл, статусной вещью он их не признавал, — задумчиво произнес молодой мужчина, но заметив взгляд хозяйки, поправился. — Раньше, по крайней мере. Я проверю еще раз.

— Спасибо, — Нина Павловна, в руке которой белел платок, взятый из пачки у края стола, встала и оказалась както неожиданно близко к молодому мужчине. Ее ладонь легла на его плечо.

— А если все же… Почему он мог так поступить, Егор? — по щекам женщины заструились слезы. — За что он так с нами?

Мужчина встал и повернулся к Нине Павловне, она же уткнулась лбом в грудь брата Артема и заревела, как девчонка. Егор удивленно замер, но рука его легла на подрагивающее плечо хозяйки в утешающем жесте. Чувствовал он себя явно не в своей тарелке, это было очевидно.

Следовало немедленно спасать положение!

— Простите, Егор Михайлович, — Лера Александровна бережно перехватила хозяйку. — Нине Павловне нездоровится.

— Да, конечно, — он сделал шаг назад, передавая женщину в руки помощницы. — Я хотел задать несколько вопросов о брате, но время сейчас неподходящее.

— Да, — кивнула Лера. — Полагаю, в следующий раз Нине Павловне будет легче общаться на… интересующие вас темы. И отнеситесь, пожалуйста, к ее просьбе со всем вни-

манием.

Мужчина кивнул. Когда он скрылся в сопровождении вызванного охранника, Лера Александровна тяжело вздохнула, глядя на стоявшую у окна хозяйку.

— Он — не Артем, — тихо сказала помощница.

— И слава богу! — глаза красавицы были абсолютно сухими, а взгляд… Помощница сглотнула. — На Артема я сейчас слишком зла. Как и он. Этот мальчик. И возможно именно злость нас и сблизит.

***

Семен закинул ногу на ногу и закурил. Через открытую форточку доносились звуки дождя и редких машин, бороздящих лужи во дворе. Пахло сыростью, прелыми листьями и скорой зимой.

Мужчина молчал, пока огонек сигареты не достиг фильтра, и только после этого он повернулся к столу, затушив окурок о край пепельницы, роль которой играла стеклянная банка из-под томатной пасты с веселой помидоркой на выцветшей, потрепанной бирке. Двоюродный брат не курил, а банку держал для гостей, страдающих этим «недугом».

— Егор-то что говорит?

— А что он скажет?! — Михаил Федорович опустился на стул, протянув родственнику чашку горячего чая. — Дело закрыли.

— Ты сам-то что думаешь?

— Не знаю, мне сейчас до того тошно, что жить не хочет-

ся.

Семен Семенович вскинул голову и пригрозил другу кулаком.

— В могилу себя сведешь от переживаний! Егора-то не подставляй! Езжай в Балаково, развейся. Там родных тьма. Шевчуки из Германии погостить приехали. Ты их сто лет не видел. Рыбалка. Костерок. Уха. Хоть выберешься из четырех стен!

Михаил Федорович усмехнулся, но судя по выражению лица, мысли его были далеки от предложенного двоюродным братом плана.

— Помнишь, как нам с Алей повезло? Приехали погостить, а вернулись с парнями.

Семен удивленно посмотрел на друга, потом грустно ухмыльнулся.

Жена Михаила немного не дотерпела, близнецы вместо областного центра родились в Балаково. Что, может, и хорошо. Родственников там немерено тогда было. Несколько семей переехали вслед за «главами», устроившимися работать на АЭС, открывшую совсем недавно третий энергоблок, кто инженерами, кто техперсоналом. Им практически сразу дали квартиры, а в областном центре такого ждать и ждать. Вот и поехали Миша с беременной женой, которой срок родов ставили через три недели, поздравить родственников с новосельем… Поздравили…

Роддом в семейный сход превратился, все по-свойски.

Медсестры и акушерки были облагодетельствованы на год вперед, уж больно боялся за здоровье супруги Михаил Федорович. Детки поздние, обоим супругам было уже за сорок. А долгожданные — это не то слово. Сколько слез выплакала Алевтина, пока не услышала заветные слова о том, что беременна.

— Помню, я ж вас забирал. У тебя руки тряслись, — улыбнулся Сема. — И ладно бы от выпитого — от переживаний.

— Знаешь, а ты прав, надо съездить, — легонько стукнул кулаком по столу Михаил Федорович. — Я иногда думаю, что своей кислой рожей Егору хуже делаю.

— Это уж ты загнул! Но тебе, поверь, легче станет.

Семен замолчал. Он на это всем сердцем надеялся, но все же не верил, это же не простудой переболеть, это ребенка потерять.

— Знаешь, я думал, что ты с пацанами своими везунчик. Даже как-то завидно было. Я тебе так скажу, не утешу, конечно, нет. Но! Темка дураком не был. Егор, он поумнее, но Темка был отличным парнем, путевым. Если он так сделал, значит, что-то его сильно подкосило.

Михаил Федорович замотал головой.

— Знаешь, Сем, я читал про то, что есть люди, которые могут других до самоубийства доводить, в том смысле, что для них, это игра, игра в чужие жизни. Способ толпой управлять, ну или что-то типа того, а если не толпой, так хоть единицами. Может, если бы Артем был подростком, я еще по-

думал бы, у подростков черт-те что в голове творится. Но сыну было двадцать семь! Не мальчик.

Мужчины замолчали.

— Как внучка? — Михаил Федорович отщипнул кусок хлеба и стал катать шарик по столу.

— Чудит, — махнул в сердцах рукой Семен Семенович. — Кричит, что в Москву поедет. На какие шиши только? Сейчас выдала, что институт не тот выбрала. Все жду и надеюсь, что блажь у нее из головы выветрится. Жена с дочкой уже извелись от переживаний.

— Обойдется, — усмехнулся Михаил Федорович. — Зеленая она еще, а сейчас такое время.

— Время… — тяжело вздохнул Семен. — Всего им хочется, и денег, и за границу кататься, и всякие побрякушки покупать. Ты видел? Телефон стоит двадцать тысяч! Двадцать! А работать где у нас, чтобы такие деньги получать? Да и не рвется она работать. Ой, не знаю, Миш. Как бы дурная голова ее до беды не довела. Выкинут из института, куда пойдет? На рынок торговать? Да и чую, связалась она с кем-то не бедным. Вещи дорогие у нее появляются, деньги. Недавно, представляешь, в Турцию летала! Говорит, одна! Чушь собачья! Только я тебе так скажу, уж явно не просто так ей кто-то блага отстегивает. Не мне ей конечно лекции читать о проститутках, но руки чешутся ремень достать.

Хлопнувшая дверь заставила обоих мужчин вздрогнуть. Через мгновение на пороге кухни появился Егор. Лицо у

него было озабоченное, и, что больше всего удивило Михаила Федоровича, злое.

— Вещи из квартиры Артема где? Побрякушки всякие, бумаги?

— Коробка в чулане стоит, — удивленно ответил отец.

Егор скрылся в коридоре и загрохотал добром, сваленным в их бывшей с братом спальне. После чего вернулся на кухню и вывалил все содержимое из коробки на широкий подоконник, под которым прятался маленький «погребок», где переживали зиму соленья и варенья, которые готовила, пока была жива, супруга и мать.

Безделушки, совсем немного фотографий, ручки, блокнотики, куски нотных тетрадей, пустая рамка от фото, маленький ключ с ярким брелоком, флэшки, коробочка для колец, перевязанная цветной резинкой (кольца-печатки отец подарил на восемнадцатилетние обоим сыновьям), бумаги об оплате коммунальных платежей, договоры аренды квартиры, дипломы и грамоты, полученные на музыкальных конкурсах призы — маленькие статуэтки.

Егор остервенело копался в этой куче вещей, бросая ненужные, по его мнению, бумаги на пол, часть оставляя на подоконнике, чем вызвал молчаливое негодование отца. Тот был еще не готов прощаться с этими кусочками жизни Артема.

— Ничего! Чтоб тебя!

— Сын! — привстал Михаил Федорович.

Но сын был, похоже, в том состоянии, когда до уважения далеко.

— Это все? — прорычал Егор.

Отец осекся. Он никогда не видел сына таким, тот в жизни не позволял себе повысить голос на родителей. И главе семьи, теперь совсем крохотной, хватило мудрости, чтобы почувствовать — не то время, чтобы свой авторитет показывать.

— Темка где-то за месяц до смерти еще коробку привозил, сказал, там диски группы. Сейчас принесу.

Михаил Федорович удалился в кладовку, заметив, как неодобрительно сверлил взглядом Егора двоюродный брат.

Когда коробка заняла место перед сыном на кухонном столе, тот продолжил проявлять неуважение к памяти Артема, беспощадно выкидывая и отшвыривая вещи. Михаил Федорович уже открыл было рот, чтобы отчитать Егора, как вдруг сын замер. Зажатый в его руке желтоватый листок подрагивал.

— Таак, — протянул молодой мужчина.

Пройдясь ладонью по щекам и подбородку, стараясь снять напряжение, Егор хмуро изучал записи на листке, потом схватился за остальные, еще раз более внимательно их прочтя.

— Что там такое? — Михаил Федорович и Семен переглянулись.

Егор не ответил, достал телефон, его пальцы забегали по

экрану. Спустя полминуты сверившись с бумажкой, он то ли выдохнул, то ли всхлипнул, отшвырнул листочек, закружившийся как снежинка, чтобы медленно осесть на пол. Коробочка с печаткой, стоявшая на столе, была лишена «резиновой защиты», щелкнула и откинула крышечку.

— Он все продал…

— Что?

— Он все продал. Женщина, с которой он встречался, деньгами не обижена, она покупала ему подарки. А он все продал, и их тоже. И твое кольцо.

Схватив ворох отобранных бумаг, Егор кинул их на стол перед мужчинами.

— Это квитанции из ломбардов, от антикваров.

Михаил Федорович, изумленно округлив глаза, взял одну из бумаг.

— Она подарила ему часы. Вот.

Перед мужчинами лег телефон с красочной картинкой мужских наручных часов, принадлежавших какой-то известной личности. Известной, потому что глаза обоих мужчин округлились при виде их цены.

— Двести тысяч за часы?

— Да, — Егор подхватил бумажку с пола и положил ее рядом с телефоном, развернув так, чтобы текст на ней можно было прочесть.

— Двадцать тысяч… Он продал часы стоимостью почти четверть миллиона за двадцать тысяч, — дядя Сема почесал

лоб.

— Как будто у нас кто-то купил бы дороже? — с отвращением произнес Егор. — Куда, мать его, он влез?

Михаил Федорович вдруг закрыл лицо ладонями.

— О боже…

Егор воззрился на отца, напрочь забыв о существовании дяди. Михаил Федорович долго молчал.

— Ты обращался к нотариусу, чтобы имущество переоформить? — сын повернул стул и уселся напротив стола.

— А зачем? Свою часть в этой квартире он подарил мне за полгода до…

— Что?! — Егор удивленно отпрянул.

— Я не думал, что это как-то связано, — отец умоляюще воззрился на сына. — Он сказал, что хочет устроиться на работу, а там выделяют какие-то субсидии молодым, но у него ничего не должно быть из имущества. Сынок, я, правда, не знал. Я даже предположить не мог.

Егор сглотнул.

— Тебе никто не звонил за это время? Папа! К тебе кто-нибудь приходил? — взволнованно спросил Зиновьев-младший, опершись на стол.

— Нет, — замотал головой Михаил Федорович. — А должен?

— Судя по тому, что я вижу — не исключено. Не исключено, что Артем задолжал и много. И, возможно, Виктория права, в квартире с ним мог быть еще кто-то… И, возможно,

у этого кого-то был мотив…

***

— Добрый вечер, Егор Михайлович, — Лера сегодня была не в духе, и появление того, кто опять всколыхнет весь душевный мир хозяйки, было сегодня просто вишенкой на торте в плохом смысле. — Вы договаривались о встрече с Ниной Павловной? У меня нет информации…

— Здравствуйте, Валерия Александровна, нет, не договаривался, однако я приехал исполнить просьбу Нины Павловны.

На ладони мужчины блеснули в свете ламп часы, вид которых Лере Александровне был очень знаком. Умный мальчик.

Эти часы хозяйке вручил тот, кого она боготворила, как музыканта и дирижера, кому готова была аплодировать стоя, тому, кто превозмог все против и стал тем, кем Нине Павловне стать не удалось. И кем, как она надеялась, станет ее любовник.

— Отлично, это очень… — начала было Лера Александровна, делая шаг в сторону двери.

— Егор? — хозяйка дома застыла на середине витой лестницы.

— Прошу прощения, Нина Павловна, за поздний визит, но я привез то, о чем вы просили.

Войцеховская засветилась и быстро спустилась вниз, легкое белое платье струилось по телу в такт движениям, воло-

сы, свободно лежавшие на плечах, золотились в свете ламп.

— Часы! Лера! — Нина обрадовалась, как девчонка. — Благодарю вас, Егор. Я боялась, что они потеряются. Их истинная ценность для меня огромна. А не хотите ли поужинать с нами? — предложила вдруг хозяйка.

Мужчина замер, но длилось это лишь мгновение, а потом Лера Александровна стала свидетельницей преображения. Будто включилась какая-то внутренняя лампа. Плечи расправились, поменялись взгляд и осанка, даже сами движения мужчины.

— Был бы рад.

Подобное Лера видела уже не раз. Неужели решил занять место брата?

Лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму.
Элеонора Рузвельт

— Надо продавать квартиру! — вздохнул Михаил Федорович.

Егор сидел на отцовской кухне, пил чай из большой кружки и разбирал бумаги, которые принес с работы.

— Я машину продам, этого, надеюсь, хватит.

— Ты ведь только кредит выплатил! — воскликнул отец, но умолк. Может взгляд сына, брошенный поверх стиснутых в руке белых листов, не дал возможности вступить в спор, а может, дело было в том, что малодушен оказался на старости

лет Зиновьев-старший: с уютным, пропитанным воспоминаниями домом в его возрасте тяжело проститься.

Хотя кому эта квартира нужна? С собой на тот свет не забрать, а сына оставить с долгами?!

— Надо, — тряхнул головой Михаил Федорович, — Купим что поменьше, комнату вон в коммуналке, перебьемся, но хоть без этого позора. И машина моя…

— Пап, она стоит копейки! Это, во-первых! А во-вторых, я все решу.

Сказано это было так, что не предполагало возражений. Пожилой мужчина тяжело вздохнул, сын был абсолютно прав. Но как же тяжело от этой правды.

Все закрутилось спустя пару дней после обнаружения квитанций. Егор тогда сел и тщательно перепроверил все бумаги Артема. У Михаила Федоровича хранилось две коробки, одна со съемной квартиры, там больше безделушки, футляр без кольца, ноты, записки, а вот вторая, которую Артем привез уже давно, но, как оказалось, пополнял частенько, когда забегал навестить отца, в ней залоговых билетов и прочей подобной документации было полно. Среди них была и расписка Артема, она была датирована концом прошлого года, и на ней некто Симонов Т. написал размашистым почерком, что все получил. Эта фамилия показалась Михаилу Федоровичу знакомой.

После ухода Семена, они с Егором еще долго сидели, не в силах поверить в происходящее, перебирая варианты того,

что могло заставить молодого человека пойти на такое.

Но самое грустное их ждало впереди.

Что стало к тому толчком, трудно сказать. Может быть, человеческое сочувствие роль сыграло, ведь кредиторы в большинстве своем были не с улицы и считали, что время есть, и можно потерпеть с денежным вопросом. А тут… будто прорвало трубу. Звонили родственники, друзья, те, кого Михаил Федорович так давно видел, что и забыл об их существовании, и те, кого он видел чаще, чем хотел бы. Пять тысяч, две тысячи, тысяча… Копейки и крупные суммы. Они все множились и множились, и сердце в груди пожилого мужчины кололо все сильнее. А говорят, у нас люди не отзывчивые! Больше четырех десятков человек дали Артему в долг на общую сумму около трехсот восьмидесяти тысяч рублей.

Михаил Федорович боялся звонить Егору. Искал выход сам. Считал, сколько пенсии у него осталось, и сколько отложено на черный день — всех накоплений хватило бы покрыть от силы четверть суммы и то, если потом не есть и не платить за коммунальные услуги.

Что же ты натворил, Темка?

Этот вопрос мучил, не давал спокойно спать, отчего в пульте батарейки сели раньше обычного: Михаил Федорович бесцельно щелкал по каналам ночи напролет, даже не пытаясь заснуть. Лицо пожилого мужчины побледнело, сам он осунулся и постарел, ссохся, будто заболел страшной бо-

лезнью.

Привыкший всегда все проблемы решать сам, не взваливая их на чужие плечи, тем более на плечи семьи, Михаил Федорович теперь вдруг стал беспомощен и не представлял даже, что ему следует предпринять. Как же было обидно и горько! Он старался вырастить сыновей достойными людьми, а что получилось? Эх, Темка!

Когда после очередного звонка пришлось брать старый блокнотик и вносить в него записи о суммах и именах тех, кому эти суммы полагались, Михаил Федорович осознал, что не знает, как в такой ситуации поступить. И дело не в том, что он не смог бы все это пережить, смог бы… Но в этом новом страшноватом мире он боялся ошибиться и еще больше навредить сыну. Единственный выход — продать квартиру, потому что хуже, чем обидеть друзей или родственников, на свете дела нет. Только голубой экран поведал мужчине во всех красках, сколько вокруг мошенников.

Егор. Как же не хотелось впутывать в это сына! Но он разберется с бумагами лучше, чем кто бы то ни было. А все остальное решит Михаил Федорович. Ведь он в ответе за Темку!

Сын после звонка отца приехал минут через двадцать. Гнал как сумасшедший! А ведь снимал квартиру на другом конце города на набережной.

Слушая рассказ отца, молодой мужчина ходил из угла в угол маленькой кухни злой и взвинченный. Пробегая в оче-

редной раз мимо холодильника, он полез в него, наверняка, за молоком, так и не избавившись от детской привычки пить его холодным из пакета, за что не раз получал нагоняй от матери. Только в холодильнике царила пустота. Михаил Федорович виновато пожал плечами. Кажется, сына это разозлило еще больше. Он вылетел из квартиры и минут через двадцать вернулся с пакетами, полными всякой снеди. Зиновьеву-старшему показалось, что такое количество невозможно и за месяц съесть.

Потом сын долго звонил по телефону, выудив из кармана куртки мятую сигарету и вертя ее между пальцев. Егор давно уже не курил, бросил. А ведь какие войны были! Отец, заметив у мальчишки эту гадость, а было это, когда сыновья учились в седьмом классе, достал ремень и хорошенько филейную часть Егора оприходовал. А это был единственный раз, когда отец себе позволил поднять руку на сына, обычно хватало сурового взгляда и короткого разговора. Темка, который ещё умудрился не попробовать табака, в тот раз с грустью смотрел на брата, который пару дней сидеть не мог. Но Егор тем и был хорош, что упрям, как баран. На какие только уловки он потом не шел от «да я рядом стоял», до «лучше получить по шее за запах алкоголя, чем за ««сижки»'», и даже то, что он активно занимался спортом, не мешало ему этой дрянью баловаться.

Как бы дико это не звучало, но ситуацию спасла двухсторонняя ангина. Егор тогда разве что и мог, так только от-

крыть рот ровно настолько, чтобы мать туда теплое молоко вливала крохотной ложкой, и то страдальчески закатывал глаза. Но с тех пор бросил. Даже на похоронах Али и Артема не курил. Но, видимо, носил с собой, как успокоение, как зарок. А может, как заначку на самый черный день. А без таких дней жизнь не обходится.

— Он же с тобой прописан был?

— Да, я его выписал после… — Михаил Федорович запнулся.

— Пойдешь к нотариусу, напишешь отказ от наследства. Чтобы никаких долгов на тебя не повесили!

— Егор…

— С родственниками я разберусь, пап! Если Темка во что-то влез, надо чтобы к тебе претензий не было.

Оба надолго замолчали, и лишь спустя целую вечность Михаил Федорович нашел в себе силы спросить:

— Ты, правда, ничего не знаешь? Не скрываешь от меня?

Егор тяжело вздохнул и прямо посмотрел на отца.

— Если честно, мы за последние полгода с Темкой редко виделись. Он звонил, может, раз в неделю-две. Приезжал также. Я занят был. Я работал, чтобы адвокатское удостоверение получить и в эту коллегию попасть. Я, честно, не думал, что у него могут быть такие проблемы. Даже предположить не мог! Я всегда считал… Если что… Мы нормально поговорим, обсудим, найдём выход. Он же мой брат!

Егор опять отвернулся к окну.

— Сделай на меня доверенность и отказ завтра. Я все сам улажу.

Отец печально покачал головой, ему хватило одного взгляда на Егора, чтобы увидеть то, чего он так боялся: замешательства, озлобленности, а самое главное, одиночества. Ведь близнецы всегда остаются близнецами.

— Да, кстати, — вспомнил вдруг Егор. — У меня давно уже нетбук лежит, — начал сын, но заметив непонимающий взгляд отца, добавил, — компьютер такой. Будешь осваивать. Сможешь бесплатно родне звонить, куда захочешь, да и веселее с ним. А не в этот ящик таращиться, где одно и тоже.

***

— Привет, пропащий, как дела? — прижав трубку плечом к уху, я дописывала короткий отчет — результат разбора полетов о работе новой загрузочной программы.

— Нормуль. Слышал о твоем несчастье, — пробасил Пашка, — Ванька рассказал, соболезную. Помощь нужна?

— Нет, справились. Но если ты мне подкинешь работы, буду рада, я просела по запасам деньжат слегка.

— Я собственно, поэтому и тревожу, — обрадовал меня Пашка. — Вряд ли ты сейчас готова сидеть в клубе и попивать пивко.

На самом деле все было легче, чем вспоминать о случившемся.

Первые несколько дней после смерти тетки я почти каж-

дую ночь проводила дома с мамой. Она очень тяжело переживала произошедшее, и папа опасался, если что случится, он может не справиться. На нем супруга и пожилая мать.

Саша после похорон соизволила позвонить лишь раз. И, слава крокодилам, мне, иначе не представляю, во что вылился бы ее разговор с моей матерью, ведь интересовал двоюродную сестру лишь один вопрос — не нашлось ли в бумагах завещание, а то Анастасия Валерьевна как-то в порыве чувств грозила все отписать своей сестре вместо дочери.

Я, разумеется, маме ничего говорить не стала. Но желание «приласкать» Сашу хорошим матерком росло, забыв об уважении и разнице в возрасте, которая у нас без малого составляла больше десяти лет. Да что уж, почти пятнадцать.

Александра в ходе нашего с ней разговора (ощутив, видимо, мое негодование и верно предположив, что я — не нежная и добрая Анастасия Валерьевна, которой можно навешать лапши на уши) быстренько проинформировала, что приехать сможет только ближе к Новому году, после чего также быстренько отключилась.

Я не жадный человек, и знаю, что такое семья. И когда мама попросила у меня деньги на похороны из тех, что остались от продажи бабушкиной усадьбы, я без раздумий пошла в банк и сняла нужную сумму, и, разумеется, никогда в жизни у мамы не попрошу ничего вернуть, особенно, с учетом того, что именно они с папой и бабушкой эти деньги нам с Васькой подарили.

Мне не нравилась политика Саши считать всех обязанными ей помогать и входить в ее положение. Особенно с учетом того, что на тете Насте висел кредит, про который дочь прекрасно знала. Банки свое не упустят, а все, что было у тетки — это небольшая однушка на окраине города, которая два таких кредита и стоит. Надеюсь, Саша этого не понимает, иначе может и до могилы матери не доехать.

Эх, тетя Настя… Лучше б я тебе эти чертовы деньги отдала, вместо всего этого!

Народа на поминки пришло много, с шесть десятков человек. У Анастасии Валерьевны было достаточно друзей и знакомых, хоть и была она голосиста и прямолинейна, но чем могла, всегда помогала, утешить умела, может, это в ней и нравилось людям.

Мама заказала небольшой ресторанчик недалеко от дома тетки, так что все, кто знал, и кто уже в возрасте был, могли почтить память и выпить рюмочку за упокой, не катаясь на другой конец города

Саша связалась со мной на следующий день после моего сообщения, когда я уже потеряла надежду до нее достучаться. Вся в слезах она попросила все устроить, потому что приехать сейчас никак не может, ибо работу не бросить, иначе ее просто выгонят. Она, оказывается, прочла сообщение и от горя не находила в себе силы позвонить.

После поминок мы с мамой, отцом и нашим «шофером» — троюродной племянницей Машей приехали на квартиру

тети Насти. Там все было, как обычно: чисто и аккуратно. Крохотная кухонька с расставленным в серванте уже неполным сервизом, фотографии, на стенах в спальне ковры, цветы в больших горшках, толстые деревянные двери, аккуратно выкрашенные белой краской, белье в тазике, полотенце на веревке в коридоре, потому что не было в однушке на первом этаже ни балкона, ни лоджии. Время будто застыло, выбежала тетя в магазин и вот-вот вернется.

Екатерина Валерьевна хотела забрать несколько фотографий и пару книг. Папа остался «помогать», молча наблюдая за супругой со стула на кухне, а я спустилась к Маше. Тоскливо в квартире, куда больше не вернется всегда жизнерадостная, несмотря на трудности, женщина.

— Холодища! — поежилась я, забираясь на заднее сиденье авто, в котором было, кстати, очень тепло.

— Кошмар просто! На кладбоне думала, околею, — Маша отхлебнула из баночки какой-то газированной сладости. — Сашка не смогла приехать, да? Жесть.

— Да, жесть, — мы с Машей друг друга знали мало, общались-то наши родители в основном, ведь храмы огурцов и помидоров у них стояли супротив друг друга и даже построены были по одному макету.

Я знаю лишь, что молодая девушка только поступила на первый курс моего родного Политеха, на экономический, ей только исполнилось восемнадцать, и она наслаждалась правами и родительским подарком — маленькой подержанной

легковушкой с корейскими корнями.

В салоне висело, лежало и приклеено невероятное количество всяких безделушек, вся торпеда была усеяна божьими коровками, змейками, выглядывали даже крохотные ящерки, я себя ощущала, как в некоем террариуме, думаю, любой мужчина (папа, например) был бы в ужасе от такого декора. Но, на мой взгляд, это было забавно.

Говорить нам было особо не о чем, хорошо, что и я и Маша это понимали и не настаивали на бессмысленной болтовне. Девушка с моего молчаливого согласия подключила флэшку к магнитоле, и салон наполнился приятной музыкой, что-то похожее на джаз с привкусом фолька, но слух не резало. Обе мы углубились в свои телефоны, пока после секундного затишья салон не наполнил приятный мужской тенор, который в своей манере выводил знаменитую композицию из «Завтрака у Тиффани».

Лунная река…

Многие пытались ее перепеть, но я и не думала, что кто-то кроме Синатры способен сделать это так, что я даже забыла, где нахожусь. Голос у исполнителя был выше, чем у знаменитости, но темп и музыка были такими, что заставили сердце трепетать, и, действительно, идти по той самой радуге за пусть и несбыточной, но мечтой.

— А кто это поет? — спросила я, едва последние аккорды затихли.

Маша отвлеклась от телефона.

— Это местная группа. Ребята — фантастические молодцы. Посмотри на моей страничке, там есть ссылка на их группу, называется «Вечные сумерки».

Я поспешила на страничку Маши, которая числилась у меня в друзьях, ибо до родителей ее, как и до моих, не всегда представлялось возможным дозвониться, и мы обменивались сообщениями на предмет поездки на дачу и не только, работая координационным центром.

На заставке группы гулял ветер из нот, ничего вычурного, все лаконично. Тексты песен, ссылки на группы-партнеры, объявления об отмене и переносе концертов.

— У них клавишник недавно погиб. Так жаль парня, красивый был до жути! И талантливый!

Но я уже и так поняла, о ком она говорит, потому что с фото-афиши группы на меня смотрел брат Егора.

Фотографий в альбоме группы было множество, там был и тот самый вокалист — приятный внешне молодой человек, бас-гитарист больше похожий на актера из голливудских фильмов пятидесятых годов, брутальный барабанщик, продюсер, самые активные поклонники, довольная публика, был и целый альбом, посвященный Артему, в котором не забыли отметиться восторженные девушки. Артем был на большинстве фото, особенно последних, именно таким, как в ресторане с той женщиной. Он умел себя преподнести (и у него выходило лучше, чем у брата) ведь в сравнении с Егором он выглядел мягче, и… я бы сказала, человечнее. Хотя это то-

же, наверное, морок.

— Все хорошие музыканты так делают, модно, похоже, — послышался печальный голос Маши.

Я вскинула на нее непонимающий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.